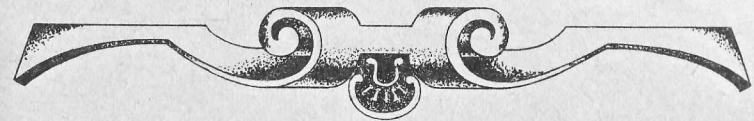

MYSTERIUM MAGNUM

Т. А. БАКУНИНА
ЗНАМЕНИТЫЕ
РУССКИЕ МАСОНЫ
ВОЛЬНЫЕ КАМЕНЩИКИ

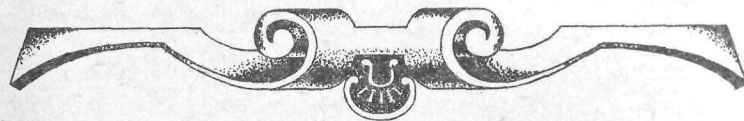
Москва
«Интербук»
1991

**ЗНАМЕНИТЫЕ
РУССКИЕ
МАСОНЫ**

Этой книгой мы открываем новую серию — «Mysterium Magnum», посвященную истории русского масонства. Предлагаем вниманию читателей две работы одного из крупнейших и глубоких исследователей — Татьяны Алексеевны Бакуниной. Они были опубликованы в Париже, известны во многих странах мира, но никогда не издавались в СССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

До удивления скудны и путаны понятия среднего читателя о масонстве, в частности — о русском. Серьезных трудов по масонству мало, они не всем доступны, а ходячие мнения черпаются из нескольких вздорных и малограмотных книжек, изданных с низкими агитационными целями. В представлении одних масонство (или даже «жидо-масонство») — какая-то антихристианская организация, руководимая таинственными преступными личностями, которых даже сами члены организации не знают; в глазах других масонство — пережиток былых мистических настроений, утративших в наше время всякое значение.

Русские особенно малосведущи в этом отношении, очевидно потому, что русское масонство официально не существует уже более ста лет (оно было запрещено в 1822 году). Но и история его мало кому известна, не говоря уже о том, что исчерпывающего исторического труда по русскому масонству вообще не существует (книга Пыпина¹⁾ не закончена и не дает правильного освещения культурной роли масонства), а отдельные работы историков разбросаны по томам их сочинений и по историческим журналам. Таким образом одно из замечательных явлений русской жизни XVIII—XIX веков, оказавшее огромное влияние на развитие русской культуры, идейно объединявшее поколения деятелей нашего

просвещения, полузабыто и все еще ждет внимания историков.

Предлагаемая книжка Т. А. Бакуниной составлена по просьбе издательства не в исследовательских целях, а в интересах осведомления широкого круга читателей, хотя и основана на точных исторических данных. Она не излагает ни идеологии, ни истории русского масонства; ее простая задача — показать, что в русском Братстве Вольных Каменщиков состояли виднейшие и знаменитейшие русские люди — писатели, государственные деятели, военачальники, имена которых всем известны и всеми уважаемы. К именам, в книжке упомянутым, можно прибавить еще длинный ряд крупных имен, доказав тем самым, что в конце XVIII — начале XIX века редкий выдающийся по образованности и по нравственным качествам человек не принадлежал к Братству или, по крайней мере, не был идейно близок к кругу масонов своего времени.

Подбор кратких биографий (расположенных в порядке хронологическом) действительно говорит сам за себя. Масонами были писатели Херасков, Пушкин и Грибоедов, историк Карамзин, военные герои Суворов и Кутузов, «отец русского просвещения» Новиков, государственные деятели Лопухин, Сперанский. Не названы многие более забытые, но не менее передовые и выдающиеся участники строительства русской культуры: писатели Сумароков, Дмитриев, члены литературного общества «Арзамас», великий русский гравер Уткин, артист Дмитриевский, по всей вероятности создатель русского театра Волков, многие из декабристов²⁾. В большом историческом труде Т. А. Бакуниной («Словарь русских вольных каменщиков») собраны имена свыше 3000 русских масонов до 1822 года. Помимо лиц, известных своей деятельностью, там *найдется ряд исторических русских фамилий, преемственно, из поколения в поколение, значившихся в масонских списках (Голицыны, Лопухины, Тургеневы, Татищевы, Разумовские, Римские-Корсаковы, Бибиковы, Бутурлины, Гагарины, Долгорукие, Муравьевы, Нарышкины, Орловы, Трубецкие, Черныше-

вы и др.)³⁾. Осторожность исследователя не позволяет включать имена тех, о принадлежности которых к Братству нет проверенных и окончательных сведений; но несомненная близость к масонским кругам, и личная и идейная, писателя Жуковского⁴⁾, знаменитого историка — митрополита Евгения Болховитинова⁵⁾, отчасти даже Державина, которого считали противником масонства. Дань масонству в молодости отдали и знаменитости «отрицательного порядка» — шеф жандармов Бенкендорф⁶⁾ и печальной памяти Магницкий⁷⁾, к зрелым годам, правда, «отрезвевшие».

Книжка предполагает некоторое знание того, какими идеями воодушевлялось русское историческое масонство и почему оно было организацией тайной. Его нравственный идеал, особенно в эпоху екатерининскую, отождествлялся с чистым христианством; его общественными идеалами были широкая терпимость и обязательность работы соборной. В основе масонского учения всегда лежала задача «познания тайны бытия», к которому ведет человека просвещение, самосовершенствование и духовное творчество, строительство человеческого счастья. Масоны думают и учат, что лишь посвященные, приобщившиеся к мудрости веков, продолжающие работу таких же посвященных могут в полной мере развить в себе высокие нравственные качества и «строить храм» будущего человечества, руководясь не только опытом, но и мистическим вдохновением, которое усваивается и развивается в человеке изучением символов, практикой братских отношений, хранения масонской тайны. Самая «тайна» есть то внутреннее ощущение «посвященного», которое не может быть сообщено «профану», стороннему человеку, уже потому, что этот профан все равно понять его не может, пока, принятый в Братство, сам не пройдет путь познания и посвящения в масонские степени. Сама же масонская организация никакой тайны не представляет, о ней можно прочитать и узнать точно из профанских книг и исторических статей. Но ради сосредоточенности своей работы и нежелания допускать к ней людей чужих и не подготовленных,

масоны не открывают своих имен, условных знаков и слов, по которым они распознают друг друга. Стоит еще прибавить, что по духу масонству чуждо занятие вопросами политики; если случаются в этом отношении уклоны, то они свидетельствуют только о понижении уровня масонства в данную эпоху или в данной стране, что свойственно всякой человеческой организации, но что в среде верных и убежденных вольных каменщиков встречает немедленное противодействие.

В книжке достаточно ссылок на общую литературу не только для подтверждения приводимых в ней данных, но и для приобретения некоторых понятий о масонстве, в частности русском. В тексте оговорены всякие сомнения и противоречия в существующих данных об участии в Братстве отдельных лиц и о степени влияния на них принадлежности к Братству. Речь идет о знаменитых людях, бывших масонами, но не равно бывших под постоянным влиянием масонских идей и различно отражавших это влияние в своей деятельности. В жизни одних принадлежность к Братству определяла весь ход их духовного развития, в жизни других она была лишь случайностью, оказавшей косвенное влияние на их профанскую работу. Мы видим в этом огромное достоинство книжки: ее полное беспристрастие. Спокойная и холодная оценка дает больше, чем дало бы стремление искать непременно отражение масонских идей в профанской деятельности каждого, кто когда-нибудь принадлежал к Братству. Масонство, вопреки некоторым ходячим мнениям, никогда не было кастой фанатиков; живое человеческое учреждение, чуждое какому бы то ни было принуждению, допускающее полную свободу творческих мнений, оно включало в свой состав людей различного духовного усердия, от пламеннейших искателей до скептиков, от заведомо преданных до более или менее случайно попавших в его ряды. Пути самосовершенствования далеко не всем оказывались одинаково доступны. В данном случае оценки стороннего исследователя лишь подтверждают истину о том, что «все люди — все человеки».

В дни, когда толки о масонстве приобрели неожиданную политическую остроту, русским полезно разбираться в них с некоторым запасом положительных знаний. Резким, голословным суждениям не следует ли противопоставить невольного вопроса: как же могли принадлежать к такому «дурному обществу» люди, деятельность которых создала то великое, что мы называем русской культурой и чему посвящаем ежегодно особый день воспоминаний? Уча детей преклоняться перед именем Пушкина и чтить достоинства Суворова, нелишне знать, что их имена значатся в списках русских вольных каменщиков. И не странно ли, что русские люди, исполняя хором прекрасный гимн «Коль славен», не знают, что это старый масонский гимн, написанный одним из пламеннейших и убежденнейших масонов для братских праздничных обрядов и сделавшийся впоследствии подлинным национальным гимном.

В. К.*

* В. К. — Вольный Каменщик — псевдоним автора предисловия к парижскому изданию этой книги, до сих пор предпочитающий сохранять инкогнито. (Прим. ред.).

Александр Васильевич Суворов
(1730—1800)

СУВОРОВ

Народный герой, человек непревзойденной славы, генералиссимус Александр Васильевич Суворов — вот кто должен открыть собой ряд знаменитых русских деятелей-масонов.

Нет нужды останавливаться на изложении внешних событий жизни Суворова; деятельность его — военные походы, блестящие подвиги — изучена и рассказана биографами этого великого человека во всех подробностях. Интереснее другая сторона его жизни: тот внутренний храм, который он себе создал в противовес окружающей его обстановке и который тщательно оберегал от постороннего взора. Странности его характера сделались историческим достоянием, многие слова вошли в поговорку. Но тот, кто ближе мог и хотел приглядеться к Суворову, легко убеждался, что странностями он лишь прикрывал свои достоинства. И сам Суворов признавался, что говорил правду шутками и «зверинным» языком.

С детства проявляя необыкновенную склонность к чтению и не утратив ее в продолжение всей жизни (об этом свидетельствует хотя бы громадная сумма — 300 рублей, — которую он тратил ежегодно на заграничные газеты), Суворов не был обыкновенным воен-

ным человеком своего времени. Сколько это было возможным, он умел примирять служебные обязанности с проявлением терпимости и человечности. Хорошо известны рассказы об его аскетическом образе жизни, о том, что он легко переносил невзгоды, деля все лишения с солдатами и принимая участие наряду с другими во всех работах; и не по чувствительности, а в силу правильно осознанного народного духа, он сумел заменить палочную дисциплину дисциплиной, основанной на совести. Эти своеобразные отношения внутреннего подчинения и сознание долга он поддерживал в своих воинских частях и по воцарении Павла I, поклонника немецкой муштры и железной дисциплины. Независимое поведение Суворова и послужило поводом к его бедствиям.

То, что в сознании Суворова быть военным не означало быть жестоким, он показал во время борьбы с конфедератами в 1769 году⁸⁾. Путь к замирению восставшего края Суворов видел в мягком и заботливом отношении к «мирным» обывателям и в энергичных наступательных действиях против повстанцев. Он принял все меры к тому, чтобы поддержать добрые отношения с местным населением и не допускал войска до грабежей. К конфедератам, положившим оружие, он проявлял большую мягкость, считая, что «благоприятие раскаявшихся возмутителей пользует более нашим интересам, нежели разлитие их крови».

В другой раз, в самый разгар Семилетней войны⁹⁾, когда при нападении на Берлин казаки захватили красивого мальчика, Суворов взял его к себе, заботился о нем во все время похода и, как только стало возможно, известил мать о том, что сын ее находится в безопасности, и предложил оставить его у себя, обещая заботиться, как о собственном сыне.

В связи с этими поступками Суворова чрезвычайно любопытно вспомнить слова, сказанные им живописцу Миллеру: «Ваша кисть изобразит черты лица моего: они видимы, но внутренний человек во мне скрыт. Я должен сказать вам, что я лил кровь ручьями. Трепещу, но люблю моего ближнего; в жизнь мою никого не сделал

я несчастным, не подписал ни одного смертного приговора, не раздавил мою рукою ни одного насекомого, бывал мал, бывал велик!»

Это второе, внутреннее, лицо Суворова, скрытое от всех, и может объяснить ряд его поступков и черт его характера, которые не имели прямой связи с обстоятельствами его внешней жизни. Того же порядка и принадлежности Суворова к Братству Вольных Каменщиков. Именно эта важная деталь его биографии освещена в литературе чрезвычайно слабо. Один из его биографов упоминает о существовании известий, будто Суворов посещал прусские масонские ложи¹⁰⁾. Автор допускает такую возможность ввиду любознательности Суворова, но сомневается в том, что сам он когда-либо был масоном. Высказанное автором сомнение лишено всякой основательности. Суворов, молодой офицер, не будучи посвященным, конечно, не мог бы посещать собраний масонских лож. В истории масонства такие исключения известны лишь по отношению к коронованным особам. Но с другой стороны, существование такого рода известий чрезвычайно важно и только увеличивает значение данных, сравнительно недавно обнаруженных в архиве Великой Национальной ложи «Три глобуса» в Берлине и не проникших, по-видимому, до сего времени в печать. На основании их принадлежность Суворова к масонству устанавливается с большой достоверностью.

Суворов был посвящен и возведен в третью степень — мастера — в Петербурге в ложе «Aux Trois Etoiles» [«Три звезды». — Прим. ред.]. Посвящение его относится, по всей вероятности, к последним годам царствования Елизаветы. Его нельзя назвать случайным — такое предположение не соответствовало бы складу характера этого своеобразного человека, тем более что Суворов не ограничился вступлением в Братство, а прошел ряд масонских степеней. Оно не было и следствием общего увлечения. В то время масонство не завоевало еще симпатий широких слоев русского общества, и Суворов, приняв посвящение, сделался одним из первых по времени русских вольных каменщиков. Затем, нахо-

дья в Пруссии во время Семилетней войны и навещая в Кенигсберге своего отца, он был 27 января 1761 года произведен в шотландские мастера в ложе «Zu den Drei Kronen» [«К трем коронам»]. Известно, что с этого дня до отъезда из Кенигсберга в начале 1762 года Суворов числился членом ложи. В списке членов ее, представленном 16 марта 1761 года в ложу «Три глобуса» за № 6 значится Oberleutnant Alexander von Suworow*.

Этим ограничиваются сведения о его участии в работах Братства Вольных Каменщиков. Несомненно, однако, что он всю жизнь следовал той масонской нравственности, которой отличалось современное ему масонское общество. Черты характера общечеловеческого, усвоенные Суворовым, — крайняя религиозность, борьба со своими страстями, из которой он всегда выходил победителем, лояльность, сознание своего долга — были особенно характерны для масонства этого периода. А потому слова завещания Суворова, обращенные к потомству: «Всякое дело начинать с благословением Божиим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; убегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы чрез истину и добродетель, которые суть мои символы» — могут быть приняты за его масонский катехизис.

Если при сравнительной скудости данных о чисто масонской деятельности Суворова нет оснований утверждать, что его характер сложился под непосредственным влиянием учения вольных каменщиков (скорее всего, это было простым совпадением его душевной склонности с общемасонским миропониманием), то, во всяком случае, эта открывшаяся новая черта в биографии Суворова не стоит ни в каком противоречии с общим обликом этого замечательного человека.

* Этими сведениями я обязана лицу, имевшему доступ в архив ложи «Три глобуса» в Берлине. В «Хронологическом указателе русских лож», помещенном в книге А. Н. Пыпина, ложа «Aux Trois Etoiles» не упоминается. Значит ли это, что название приведено не точно, или ложу следует считать ранее неизвестной? (Здесь и далее звездочки обозначены примечания автора, примечания под цифрами, вынесенные в конец книги, принадлежат составителю).

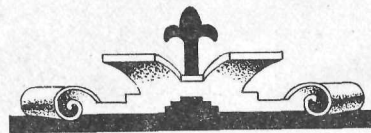
* * *

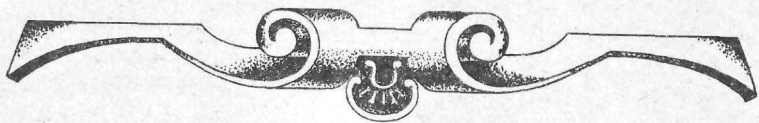
Пыляев М. И. Старое жительство. (День Генералиссимуса Суворова). СПб., 1892.

Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1900.

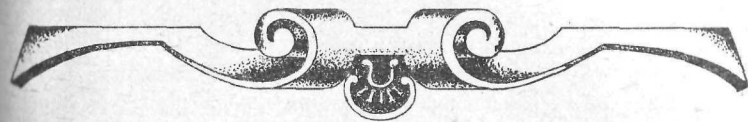
Жизнь Суворова в художественных изображениях. Составители М. Б. Стремоухов и П. Н. Симанский. М., 1900.

Очерк жизни и деятельности гр. А. В. Суворова-Рымниковского (автобиография). М., 1848.

Михаил Матвеевич Херасков
(1733—1807)

ХЕРАСКОВ

«Д а помнят все человеки, что они братья суть!» — таков эпиграф к повести «Нума Помпилий, или Прцветающий Рим» Михаила Матвеевича Хераскова. Повесть была написана в 1768 году, еще до вступления его в Братство Вольных Каменщиков. Его взгляды, человека кроткого и гуманного, вполне соответствовали тем нравственным идеям, которые стремилось распространять масонство. Самое посвящение способствовало только укреплению их и направлению его практической деятельности.

Трудно указать другого писателя, произведения которого так полно отражали бы масонские идеи, как это мы видим в творчестве Хераскова. Не будем заниматься подробным разбором его произведений и отмечать в них масонские темы*. Все они — и мистическая поэма «Владимир», и ода «К Богу», и стихи «К большому Маскараду» — объединены одной идеей, во всех говорится о святом просвещении, златом веке Астреи, священном храме и т. д. Они были лишь творческим отражением жизни Хераскова и тех идеалов, к которым он стремился. Инте-

* Такой разбор сделан в статье И. Розанова, посвященной творчеству М. М. Хераскова.

ресно все же привести одно замечательное лирическое произведение, известное каждому русскому, но мало кто связывает его с именем поэта масона Хераскова. Это известнейший гимн «Коль славен», музыка которого исполнялась курантами на Спасской башне московского Кремля и на Петропавловской крепости в Петербурге.

*Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык:
Велик Он в небесах на троне!
В былинках на земли велик!
Везде, Господь, везде Ты славен!
В нощи, во дни сияньем равен!*

*Тебя Твой агнец златорунный,
Тебя изображает нам!
Псалтырями десятиструнны
Тебе приносим фимиам!
Прими от нас благодаренье
Как благовонное куренье!*

*Ты солнцем смертных освещаешь;
Ты любишь, Боже, нас, как чад;
Ты нас трапезой насыщаешь
И зиждешь нам в Сионе град.
Ты смертных, Боже, посещаешь,
И плотию Своей питаешь.*

*О Боже! Во Твое селенье
Да взйдут наши голоса!
И наше взыдет умиление
К Тебе, как утрення роса!
Тебе в сердцах алтарь поставим;
Тебя, Господь, поем и славим.*

Этот возвышенный гимн был написан Херасковым для масонских лож, в которых он исполнялся на ритуальных собраниях. Его третья строфа указывает на застольный характер масонской песни. В собраниях высоких степеней было принято устраивать торжественную пасхальную трапезу, во время которой подавался ягненок —

символ жертвенности. Об этом обряде и упоминается в песне.

Херасков был одним из деятельнейших масонов конца XVIII века. Он был посвящен в 1775 году в одной из лож Рейхелевской системы. В 1780 году как член-основатель принимал участие в работах тайной Новиковской ложи «Гармония», затем, в момент создания самостоятельного русского масонского управления, сделался членом Капитула VIII Провинции и в том же 1782 году вошел в Орден Злато-Розового Креста. Оставаясь членом Капитула, он в списке должностных лиц 1789 года показан также и ритором Провинциальной ложи*. Все это свидетельствует о том, какое близкое участие он принимал в масонских делах и как значительно было его положение¹¹⁾.

Но больше других сторон жизни Хераскова обращает на себя внимание его работа как масона-практика. И если его литературная деятельность оценивалась различно — он пользовался громкой славой при жизни, но скоро устарел и был забыт, — то заслуги его на пути русского просвещения бесспорны. Имя Хераскова навсегда связано с Московским университетом. Служению ему он отдал, с небольшим перерывом, полвека. В 1755 году, в год основания университета, Херасков был назначен ассессором конференции. На его обязанности было наблюдение за поведением студентов и заведование делами типографии. С 1763 года он уже директор университета, настойчиво добивавшийся введения русского языка в преподавание. С 1770 по 1775 год Херасков провел в Петербурге. Именно в эти годы произошло его сближение с Новиковым, факт, имевший чрезвычайное значение в жизни Московского университета. Вернувшись в Москву и получив в 1778 году назначение на должность куратора университета, Херасков, живо откликнувшийся на умственное брожение в обществе того времени, сделался соединительным звеном между кружком московских ма-

* Масонские степени, звания и формы организации очень сложны, и попутные объяснения заняли бы много места. Отсылаю читателя к литературе, список которой приводится после каждой биографии¹²⁾.

сонов с Новиковым во главе и Московским университетом.

Это было время, когда университет лишь формировался, когда кафедры пустовали за недостатком профессоров, а студентов было до крайности мало и когда стремление к знанию и просвещению не укоренилось еще в сознании русского общества. Нужны были люди деятельные и убежденные, доброжелательно встречавшие разумные советы. Одним из них и был Херасков. За отъездом из Москвы трех других кураторов он в течение четырех лет один заботился о благосостоянии этого учебного заведения. Его самостоятельное управление ознаменовалось рядом предприятий и было одной из ярких полос в жизни университета. Именно Херасков, оценив духовную силу Новикова, уговорил его взять в аренду университетскую типографию, книжную лавку и газету «Московские ведомости», издававшуюся при университете¹³⁾. Он же пригласил в университет и профессора Шварца¹⁴⁾, талантливого лектора, энтузиаста возвышенной идеи, который не только увлек и объединил своим преподаванием студенческую молодежь, но распространил свое влияние и за пределы университета.

Вольный Благородный пансион, сыгравший такую известную роль в истории русского просвещения и по первоначальной мысли предназначавшийся для подготовки к университету дворянских детей, — также создание куратора Хераскова. Кроме того, он покровительствовал и принимал участие в учреждении Педагогической семинарии¹⁵⁾, Собрания Университетских питомцев¹⁶⁾ и Дружеского Ученого Общества¹⁷⁾. Все это были важные события в жизни молодого просветительного учреждения. Тесно связывая университет с московским обществом, они придавали ему значение большее, чем храма науки.

Посвятив свою жизнь работе в кругу учащейся молодежи, Херасков до старости сохранил необыкновенную свежесть духа. Он умел приблизить к себе молодежь и оказать ей вовремя нужную поддержку. Три литературных поколения прошли через его влияние. Богдано-

вич, Державин и Фонвизин, Дмитриев и Карамзин, Мерзляков и Жуковский¹⁸⁾ — все они были увлечены нравственной высотой его духа и идеализмом, который Херасков внес в литературу. По общему свидетельству, Херасков не боялся новых литературных исканий, не держался за старые формы, не тормозил молодых начинаний. Он обещал свое сотрудничество в журнале Карамзина именно тогда, когда все друзья называли это предприятие легкомысленным и относились к нему весьма скептически.

С возвращением в Москву другого куратора, И. И. Меллисино¹⁹⁾, ревниво относившегося к успехам учреждений, созданных в его отсутствие, полезная деятельность прекратилась. Гонения на московских масонов задели Хераскова лишь косвенно. Он по-прежнему оставался куратором, но его обходили в чинах и не выпускали из-под постоянного полицейского наблюдения. От непосредственного преследования его избавило заступничество Державина, который особо отметил свое расположение к Хераскову в стихах, написанных к его портрету:

*Любимец русских муз (в нем наш Вергилий цвел)
Монархов подвиги, дела героев пел:
Се вид его лица, души — стихи свидетель,
А жизни — добродетель.*

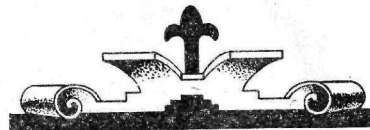
* * *

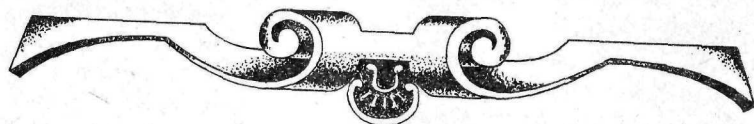
Кизеветтер А. А. Московский университет. Исторический очерк. — В сб.: Московский университет, 1755—1930. Юбилейный сборник.

Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.

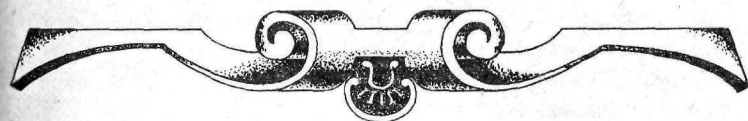
Розанов И. М. М. Херасков. — В сб.: Массонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. М., 1915.

Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Изд. Общ. любителей отечественной словесности. Ч. 1. СПб., 1821. Переложение Псалма 61.

Николай Васильевич Репнин
(1734—1801)

РЕПНИН

*Прямой герой страстями не движим,
Он строг к себе и благ ко ближним;
К богатствам, титлам, власти, славе
Внутри он сердца не привержен;
Сокровище его любезно —
Спокойный дух и чиста совесть.*

*В терпении тверд и мудр в напасти,
Не рабствует блестящей части;
Считает тем себя довольным,
Коль общих благ где был споспешник.
Блажен, блажен еще стократно,
Что страсти мог свои умерить!*

Такой портрет масона Николая Васильевича Репнина дает в оде, ему посвященной, Г. Р. Державин. В литературе большей частью Державин упоминается как противник масонства, причем приводятся его слова, обращенные с похвалой к Екатерине:

*К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток...*

Но вот перелистывая сочинения Державина, мы находим множество посланий, обращенных к масонам — друзьям и известным деятелям того времени. Среди них не только военные герои, как Репнин, Суворов и Кутузов; поэт обращает свою музу к М. М. Хераскову, И. И. Дмитриеву, А. С. Строганову, секретарю императрицы А. В. Храповицкому, А. П. Мельгунову, А. А. Ржевскому, С. В. Перфильеву²⁰⁾. Принадлежность этих людей к масонству не мешала расположению Державина к ним. По-видимому, и сами масоны не считали Державина врагом Братства Вольных Каменщиков. Во всяком случае, в 1783 году предположено было дать ему четыре степени «рука на руку» и принять затем в теоретический градус*. Неизвестно только, было ли это исполнено.

О деятельности генерал-фельдмаршала князя Репнина сохранилось в литературе довольно много свидетельств. Все они рисуют самого Репнина с хорошей стороны. Мягкий характер и человеколюбие, ему приписываемые, правда, плохо уживаются с представлениями о военачальнике и усмирителе крестьянских волнений, каким Репнин оказался при императоре Павле.

С юности — участник войн, Репнин не раз исполнял и дипломатические поручения, был также генерал-губернатором в Смоленске, наместником в Орле и Пскове. Больше других дел, ему порученных, известно его управление польскими губерниями, отошедшими по разделу к России. В делах отличался бескорыстием, самостоятельностью и прямотой. Он всегда был на виду, но постоянным расположением Екатерины не пользовался. Первое охлаждение к нему императрицы произошло в 1776 году; причиной послужило сближение Репнина с наследником и увлечение масонством.

В этом году Репнин вступил в одну из лож, которыми руководил И. П. Елагин. Трудно сказать, в какую

* Иными словами, предполагалось, во внимание к известности и значению Державина, отменить для него обычный порядок постепенного прохождения масонских степеней.

именно. Елагин был Великим Провинциальным мастером, то есть в его управлении находились все ложи, признавшие его главенство; кроме того, он управлял непосредственно несколькими ложами в качестве мастера стула (председателя)²¹⁾. О масонстве Репнина известно еще, что он был надзирателем в ложе Лопухина [ложка «Блистающая звезда». — Прим ред.], принимал участие в секте Грабянки «Новый Израиль», а в 1785 году был принят в теоретический градус; с того же времени он в документах показан членом Капитула Феникса²²⁾. Наиболее интересная черта его масонской биографии — переписка с Сен-Мартеном²³⁾, автором книги «О заблуждениях и истине», имевшей на русских, и особенно московских, масонов конца XVIII века большое влияние. Эта переписка объяснялась увлечением Репнина мистицизмом и его поездками по Европе в поисках истинного масонства.

В тот год, когда Репнин достиг наиболее высокого масонского положения, он принимал участие в занятиях «Комиссии по разбору городов». Дальнейшая его служебная карьера была подорвана близостью с Новиковым и московским кружком масонов. Свой гнев Екатерина распространила и на него. Лишь с восшествием на престол Павла I положение Репнина восстановилось. В это именно царствование ему и поручена была роль, которая, казалось бы, не соответствовала его положению и внутренним убеждениям. Репнин был отправлен на усмирение крестьянских волнений, вспыхнувших одновременно в одиннадцати губерниях. Долг и служба государю не допускали никаких рассуждений личного свойства. К тому же пугачевщина была у всех на памяти. И вот масон Репнин неукоснительно исполняет приказ. В литературных кругах его действия встретили двоякое отношение. Одни ставили Репнину в заслугу быстрое успокоение волнений, другие особо отмечали жестокость, один раз им проявленную при подавлении волнения в Апраксинском селе Брасове, центре возмущения округа. Его жестокость устранила остальные охваченные волнением селения, и Репнин больше не встретил сопротивления.

Во время этих усмирительных действий Репнин вел

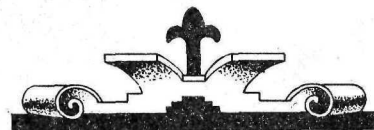
подробный дневник. В нем он рассказывает, как, проезжая из одной деревни в другую, старался прекращать волнения мирным путем. Он призывал к себе крестьян и, «побожась им именем Христовым», объявлял государеву милость тем, которые будут послушны помещикам; непослушных же предупреждал о наказании. Так, убеждая, привел крестьян многих селений к полному раскаянию; они просили прощения и давали обещание быть верными и послушными. Тогда им читали всемилостивейшее прощение в соборе. Такая же попытка была сделана и в отношении крестьян села Брасова; но они «по упорству и неповиновению» велели сказать, «чтоб я сам к ним приехал», записывает Репнин. Тогда дан был приказ о выступлении войска, присланного для усмирения. Раньше Репнин предписывал своим подчиненным действовать «самыми кроткими мерами»; теперь же он настраивал их подтверждать ничего нигде не зажигать и «чтобы никто не дерзал ни малейшего грабежа делать, под опасением неминуемого и строгого наказания, за что отвечают командиры». Печальные события, связанные с усмирением брасовских крестьян, Репнин с полной точностью заносит в свой дневник, сам признавая наказание жестоким.

Справедливость требует отметить, что жестокость, проявленная Репниным в брасовском деле, противоречит не только складу его ума, но и некоторым действиям, которые отнюдь не вызывались его служебными обязанностями. Известно, например, что во время голода он содержал на собственный счет бедных двух белорусских губерний.

Эти положительные черты, очевидно, преобладали в характере князя Репнина, и именно они дали основание такому строгому моралисту, как И. В. Лопухин, считать его одним «из тех великих мужей, о которых чувствования любви к высочайшей добродетели и почтения к истинному Геройству с восторгом удивления читают в Истории... Если б мои правила, — добавляет при этом Лопухин, — дозволяли мне давать волю самолюбию, то не просил бы я другой на гробе моем надписи, кроме следующей: «Он был друг Репнина».

* * *

- Державин Г. Р. Сочинения. Т. 1. СПб., 1851.
Лопухин И. В. Записки сенатора. Лондон, 1860.
Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века. Пг., 1916.
Пекарский П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869.
Журнал кн. Н. В. Репнина. — Русский архив, 1869.

Николай Иванович Новиков
(1744—1818)

НОВИКОВ

Николай Иванович Новиков больше всего известен как издатель книг и журналов. Библиофилы дорожат изданными в его типографиях книгами, многие из которых представляют большую ценность. Но мало назвать его издателем — он издатель-гений, подлинный создатель книжного дела в России, настоящий просветитель, человек громадного организаторского таланта и энергии.

Жизнь его, небогатого помещика и мало образованного человека, чрезвычайно любопытна. Его первой работой было участие в качестве письмоводителя в комиссии, составляющей проект нового уложения 1767 года. А в 1769 году он уже выступил с первым издательским предприятием — сатирическим журналом «Трутень». Это начинание определило его дальнейшую жизнь.

Перечисление всех изданных им книг и журналов заняло бы слишком много места. Скажем кратко. Начав с сатирических журналов «Трутень», «Живописец» и «Кощелек», он затем перешел к изданиям ученым, которые имели целью познакомить читателя с историей страны. Особенно интересны издания «Древняя Российская ви-

влиофика» и «Опыт исторического словаря о Российских писателях». Идея, поданная им, была затем осуществлена одним из его учеников, митрополитом Евгением Болховитиновым²⁴⁾.

Свою петербургскую жизнь Новиков закончил изданием журнала «Утренний свет», уже просветительного, а не сатирического характера. Доход от него, так же как и от следующих двух журналов, был предназначен на содержание петербургских училищ — Екатерининского и Александровского. В 1779 году Новиков переехал в Москву.

Еще в Петербурге, в 1775 году, по предложению нескольких видных масонов того времени Новиков был посвящен в ложе «Астрея». Посвящение это не вполне отвечало масонским традициям. Новиков потребовал, чтобы ему были открыты сразу три степени, ибо хотел убедиться, что в них нет ничего противного его совести. Желание его было удовлетворено. Кроме ложи «Астрея» он посещал другую петербургскую ложу «Урания», а затем составил особую ложу из девяти членов под начальством Я. Ф. Дубянского²⁵⁾. Еще некоторое время спустя специально для Новикова была организована ложа по Рейхелевской системе под названием «Латона», в которой он сделался мастером стула. Тогда же он был посвящен в четвертую степень, а в 1778 году принял шведский седьмой градус. Переехав в Москву, он учредил тайную ложу «Гармония». С 1782 года, после организации самостоятельного русского масонского управления, он исполнял должность казначея в Капитуле и был президентом в Директории VIII Провинции, а также членом образованного тогда Ордена Злато-Розового Креста. В 1784 году Новиков сделался членом-директором теоретического градуса.

Несмотря на то что Новиков вначале отнесся к масонской организации чрезвычайно недоверчиво, он именно в ней нашел ответ своим просветительским и благотворительным стремлениям. Он сделался самым ярким выразителем того благотворительно-христианского направления в масонстве, которое навсегда связалось с его име-

нем. Кроме того, масонская организация свела его с людьми просвещенными, желавшими служить по мере сил своих общему делу. Он сблизился с И. Г. Шварцем, также масоном, ставшим затем профессором Московского университета, и их совместная работа была чрезвычайно плодотворна. Новиков взял в аренду университетскую типографию, занялся печатанием и широким распространением книг, а при содействии Шварца было организовано Дружеское Ученое Общество с целью способствовать образованию молодых людей и готовить их к переводческой работе. Для начала на иждивение общества было взято несколько человек. С развитием его деятельности число воспитанников сильно возросло.

Энергия и увлечение этих двух людей привлекли к участию в их начинаниях людей образованных, влиятельных и богатых. Лопухины, Трубецкие, Ладыженские и многие другие члены разных масонских лож спешили принять участие в полезной работе, вложив в дело крупные капиталы. Также и П. А. Татищев, пресыщенный богатой жизнью, под влиянием Шварца пожертвовал часть своего огромного состояния на просветительные учреждения Дружеского Ученого Общества. А во время голода 1787 года, охватившего подмосковные деревни и самый город, сын удачливого золотоискателя и винокура масон Григорий Максимович Походяшин отдал в полное распоряжение Новикова, занятого делом помощи голодающим, значительную долю своего богатства. На эти средства была оказана широкая помощь крестьянам и положено основание хлебных запасных общественных магазинов. Дело это приостановилось ввиду недовольства Екатерины, не терпевшей проявления какой-либо общественной инициативы. Впоследствии это пожертвование Походяшина очень повредило Новикову: не зная, каким образом в его распоряжении появились большие деньги, правительство заподозрило его в каких-то незаконных действиях²⁶⁾. Походяшин же, который совсем разорился и доживал свою жизнь в нищете, до последних дней сохранил к Новикову чувства преданности и уважения.

Типографская деятельность Новикова, начатая при малых средствах и плохо оборудованной типографии, быстро развивалась. Первым делом Новикова было преобразование университетской типографии, причем уже в 1780 году она была в таком состоянии, что, по отзыву Шварца, не уступала первым заведениям этого рода в Европе. А к концу 1781 года число книг, в ней отпечатанных менее чем за три года его управления, уже превышало количество книг, вышедших из-под ее станков с момента основания до поступления в аренду Новикова. Одной типографии оказалось мало, были оборудованы еще две, которые затем слились при учреждении в 1784 году Типографической компании. В то же время Новиков основал при своем книжном магазине библиотеку для чтения, первую в Москве.

Новиков вел книжное дело умело и с расчетом, но не смотрел на него как на предприятие исключительно коммерческое. Известны, например, случаи, когда он просил принять в дар духовные книги тех покупателей, которые напрасно искали в его лавке книги для занимательного чтения. Ради поощрения молодых переводчиков Новиков покупал иногда по нескольку переводов одного и того же произведения и печатал лучший; или же приобретал рукопись безнравственной книги и сжигал ее, чтобы другой издатель, напечатав, не распространял соблазна.

Таковы были действия человека, которого после обвиняли в корыстолюбии и который последние двадцать лет своей жизни провел в самом стесненном положении. Другое обвинение, которое выдвинула против Новикова императрица, — распространение ереси и печатание книг, подрывающих основы православной церкви, — не встретило поддержки даже в среде самого духовенства. Архиепископ Платон, которому было поручено рассмотрение изданных Новиковым книг, нашел зловерными среди них лишь «гнусные и юродивые порождения энциклопедистов»; но как раз идеи энциклопедистов и стремилась распространять сама Екатерина. А исповедав Новикова в догматах веры, Платон доносил, что молит «всещедрого

Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и тобою, Всемилостивейшая Государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, каков Новиков».

Таким образом, гонения, которым подверглись Новиков и его московские друзья, можно объяснить лишь тем, что Екатерина испугалась большого морального влияния, которое они приобрели. Сначала путем различных мер было совершенно подорвано экономически громадное дело Типографической компании, а весной 1792 года Новиков был арестован, отвезен в Шлиссельбургскую крепость и; приговорен к 15 годам заключения.

Обвинение в желании завлечь в масонское братство наследника престола возникло уже в процессе разбирательства и не могло, таким образом, служить причиной ареста²⁷⁾. Причину его следует искать в давнишней неприязни Екатерины к Новикову как к человеку громадного организаторского таланта и общественной инициативы. Под впечатлением французской революции действия его показались Екатерине особенно опасными, и она перешла от литературной полемики к самым решительным мерам.

Освобожденный из тюрьмы Павлом²⁸⁾, Новиков, «дряхл и согбен», не мог уже заниматься столь любимой им просветительской деятельностью²⁹⁾. Он поселился в своем селе Авдотьине и доживал жизнь в большой бедности. Связи со своими старыми друзьями Новиков не порывал, однако, до дня смерти и не утратил веры в правильность масонского учения. Большая переписка с друзьями тому свидетельство. Одному из своих корреспондентов он писал: «Станем общими силами стараться исследовать, не разделились ли мы в том духе, в котором обещались жить и умереть; сей ли дух и поныне нас одушевляет?»

Вместе с С. И. Гамалеей, своим неразлучным другом, Новиков занимался составлением «Библиотеки, содержащей в себе некоторые герметические, каббалистические, магические и иные книги...» братьев Злато-

Розового Креста. «Библиотека» содержала различные произведения мистическо-нравственного характера и должна была служить упражнением «в познании Бога, природы и себя и для показания между многими ложными, одного истинного к тому пути».

Чрезвычайно своеобразно проявил себя Новиков в 1812 году. Во время наступления неприятеля он сделался как бы блюстителем спокойствия в округе. Кругом шел грабеж, но села его не тронули. Когда же крестьяне приводили к нему взятых в плен французов, убеждения Новикова, в которых он был так последователен, не позволяли ему оставить беззащитными и самых врагов. Несмотря на крайнюю скудость, Новиков давал за каждого пленного по рублю, содержал их, лечил раненых и больных, а после выхода неприятеля из Москвы сдавал пленных возвращавшемуся начальству. В этих действиях его были найдены основания для подозрений. А между тем беспристрастный разбор обстоятельств жизни Новикова и обвинений, которым подвергся этот замечательный человек, приводят к одному заключению: провинности его незначительны, заслуги перед обществом на пути просвещения — неисчислимы.

* * *

Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916.

Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века. Пг., 1916.

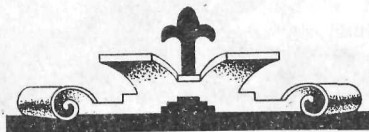
Пекарский П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869.

Ешевский С. В. Сочинения. Ч. III. М., 1831.

Кизеветтер А. А. Московские розенкрейцеры XVIII столетия. — Русская мысль, 1915, октябрь, с. 96—124.

Масонство в его прошлом и настоящем. Т. I. М., 1914.

Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. III. М., 1898.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов
(1745—1813)

КУТУЗОВ

В июле 1813 года в залах Петербургского музыкального общества под председательством гроссмейстера И. В. Бебера³⁰⁾ и с участием многих сотен масонов состоялось торжественное траурное собрание, посвященное памяти великого брата, фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. Не одни заслуги перед Отечеством на поле брани были причиной такого почета. «В различных положениях, которые последовательно выпадали на долю нашего знаменитого брата, — говорилось в посвященной ему речи, — он был религиозным блюстителем наших идей, примерным ревнителем, неизменно готовым на благотворительные жертвы во имя страждущего человека, и особенно на пользу своих братьев по совершенствованию: мы обязаны воздать славу его постоянству и его принципам...»

Первое прикосновение Кутузова к тайнствам ордена свершилось в 1779 году в Регенсбурге, в ложе «К трем ключам». Он пришел искать в братстве «сил для борьбы со страстями и ключа от тайн мира». Путешествуя по Европе, он вошел также в ложи Франкфурта и Берлина, а по возвращении в Россию в 1783 году «посвященные

на берегах Невы признали его своим... Но лишь в Москве, у сияющего лучезарного очага этой замечательной столицы, прославленной в столь многих отношениях, он предстал смиренным ревнителем. Его приняли, учтя его способности к приобретению высоких знаний; он был приобщен к высшему ордену при обстоятельствах, предвещавших его высокие судьбы...

На основании некоторых косвенных указаний можно предположить, что Кутузов был членом шотландской ложи «Сфинкс». Он дошел до высоких степеней и был влиятельным и необходимым членом Братства Вольных Каменщиков, его постоянной опорой. При посвящении в седьмую степень шведского масонства Кутузов получил орденское имя Зеленеющий лавр и девиз «Победами себя прославить». И орденское имя, и девиз, по словам одного из историков масонства, оказались пророческими.

Чрезвычайно любопытно, что оба знаменитых героя военной истории России, Суворов и Кутузов, принадлежали к Братству Вольных Каменщиков. В жизни и характерах этих двух самобытных людей много общих черт. Любознательность, снисходительность, религиозность, способность к особому постижению народного духа одинаково им свойственны. Их сближение не было случайным. Суворов рано оценил Кутузова, между ними установилось взаимное понимание и расположение, а с 1776 года Кутузов сделался на многие годы правой рукой Суворова. Принадлежность их обоих к масонскому обществу — лишнее основание для сближения их характеров. Трудно высказать какое-либо утверждение по поводу того, имел ли Суворов влияние на своего младшего товарища в вопросе масонского посвящения; во всяком случае, оно произошло во время их совместной службы. И если не сохранилось сведений о длительной работе Суворова в среде вольных каменщиков, то о Кутузове можно сказать, что он связал свое имя с Братством более чем на 30 лет. Есть даже некоторые основания думать, что именно масонское общество способствовало назначению его предводителем сил в борьбе с Наполео-

ном, который представлялся масонам начала XIX столетия демоном властолюбия и насилия. Мир и спокойствие — цель Ордена Вольных Каменщиков — были попорчены; зло, одетое в броню завоевателя, предстало перед русскими масонами. Борьбу против этого зла они считали своим долгом. Вот почему не только Кутузов, но и ряд других вольных каменщиков оказались героями войны 1812 года³¹⁾. Те же основания выдвигали масоны союзных стран во время мировой войны 1914 года. Война в их представлении была единственным средством защиты от посягательства на европейский мир и культуру.

Не страшась войны, Кутузов тем не менее видел в ней лишь крайнее средство для достижения мира — черта характера прославленного военного героя, достойная того, чтобы ее отметить. Он всегда пытался предотвратить войну искусством дипломатических переговоров, отвратить войну. И никогда не подвергал жизнь подчиненных ему напрасной опасности, никогда не позволял пятнать славу войск грабежом и пролитием крови мирных жителей.

«Ты руководил бестрепетными русскими солдатами не для завоеваний и разорений, но во имя защиты человечества, освобождения Европы, установления ее мирного процветания... Прими же скромное признание, которое оказывают тебе братья по посвящению устами занимающего этот священный пост». Так говорил в торжественной траурной речи оратор ложи «Сфинкс», а позже ложи «Три Добродетели» Пьер Муссар³²⁾. Знаменательнее всего, что такую оценку военных действий и заслуг Кутузова в борьбе с Наполеоном делал не соотечественник полководца, а иностранец — французский литератор. В речи своей, полной пафоса, он превозносил деятельность Кутузова и призывал всех присутствующих оценить славянского Фабия³³⁾, противопоставившего гению зла гений добра.

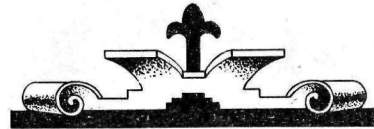
Оратор не ограничился изложением заслуг Кутузова, он подробно осветил значение Братства Вольных Каменщиков для Кутузова. «Это в нашей среде ты при-

обрел добродетели и свет, давшие тебе бессмертие; среди нас твоя великая душа получила истинную награду мудрости, оплату благотворенья; лишь в нашей среде окружен сиянием венц мудреца, ученика добродетели. И именно в этой ограде, недоступной для профанов и для мирского тщеславия, в этом убежище мудрецов, предназначенном для святейших таинств, — твои братья, более взысканные и более внимательные, лучше созерцают это отделение духа от бренного праха, лучше славят смерть, этот первый шаг величественного пути...»

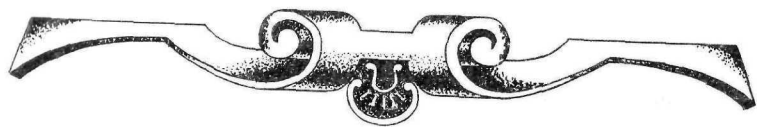
Так чтити вольные каменщики своего великого брата, славного не только военными подвигами, но еще больше мудростью, доступной, по их убеждению, только истинному мастеру-масону.

* * *

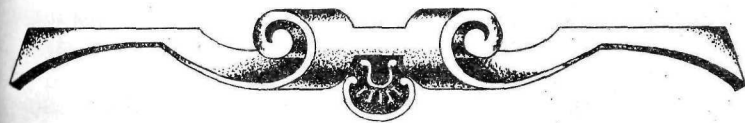
Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. М., 1915.
P. Moussard — La grandeur et les bienfaits de l'Eternel dans le Christianisme. Paris, 1818.

Александр Борисович Куракин
(1752—1818)

КУРАКИН

В жизни князя Александра Борисовича Куракина, блестящего аристократа и человека, приближенного ко двору, масонство было лишь необходимой деталью. Жизни его оно не заполняло, глубоко им не воспринималось, но по своим внешним признакам вполне соответствовало его характеру и обстановке, в которой он вращался.

Князь Куракин, человек образованный, европейского воспитания, член нескольких ученых обществ, не мог остаться равнодушным к передовому масонскому учению, во главе которого стояли многие европейские монархи и которое постепенно стало захватывать высшие административные и дворянские круги в России. Воспитанник масона Никиты Ивановича Панина³⁴⁾ и многолетний друг цесаревича Павла Петровича, князь Куракин легко сблизился с Братством Вольных Каменщиков. В свою очередь, и масонской организации, в которую он вступил в 1773 году, такое видное положение Куракина чрезвычайно благоприятствовало. Куракин был посвящен в ложе тамплиерского ордена в Петербурге, — «Capitulum Petropolitanum». Летом 1775 года ему была дана третья, мастерская, степень. Чрезвычайно ха-

рактарно, что Куракин примкнул именно к этой рыцарской ложе, которая по духу и своей организации особенно отвечала складу его жизни*.

Любопытные описания причуд и барских затей, которыми Куракин окружил свою жизнь, встречаются в воспоминаниях его современников. Роскошно обставленная усадьба, сад, полный статуй и беседок, толпы слуг и приживальщиков, его собственный костюм из парчи и бархата, бриллианты и табакерки — все это даже по тому времени привлекало общее удивленное внимание. Внешняя мишура так заполняла жизнь Куракина, что от него действительно трудно было бы ждать особой углубленности, увлечения мистикой и проникновения в тайны ордена. Тем не менее он сыграл известную роль в истории русского масонства и именно в той области, которая, по существу, была для него всего ближе.

В 1776 году князь Куракин был послан императрицей с известием о браке цесаревича в Стокгольм. Этой поездкой воспользовались петербургские масоны, которые в то время увлеклись поисками истинного масонства и завязывали поочередно отношения с иностранными братствами разных систем. Шведское масонство было в тот период сильно развито, и русские братья надеялись получить у него указание того пути, который они тщетно искали. Петербургская Провинциальная ложа поручила князю Куракину добиться полномочий организовать ложи шведской системы в России. Посвященный в Стокгольме в высшие градусы, он привез в Россию конституцию для введения степеней шведской системы. Было условлено, что сам Куракин и займет место гроссмейстера русской Провинциальной ложи, но по возвращении в Петербург он передал свои полномочия князю Г. П. Гагарину, а сам учредил ложу «Святой Александр» и руководил ее работами по шведской системе. Пред-

* Тамплиерские ложи отличались особой пышностью обрядов, украшений храма и одеяний.

полагалось, что он войдет и в число членов будущего Национального капитула³⁵⁾.

Имя князя Куракина называется в связи с вероятным посвящением в масонство Павла Петровича. По желанию великого князя Куракин был включен в его свиту и сопровождал его и Марию Федоровну во время их заграничной поездки в 1782 году. Одна из существующих версий относит момент посвящения в масонство наследника русского престола именно к этой поездке. Если версия справедлива, то Куракин неминуемо должен был принимать участие в этом посвящении. По возвращении в Россию Куракин был удален императрицей из Петербурга и прожил до конца ее царствования в своей саратовской вотчине. Поводом к такой немилости будто бы послужила его неосторожная переписка с флигель-адъютантом П. А. Бибиковым, также масоном³⁶⁾, но она могла быть выставлена и простым предлогом для замаскирования настоящей причины. Близость наследника со многими масонами всегда представлялась императрице весьма неприятной, и она, конечно, не упустила подходящего случая для удаления наиболее влиятельного из них.

Отсутствие Куракина в Петербурге на все время наибольшего расцвета масонства конца XVIII столетия прервало начатую им деятельность. Также и при Александре I, в годы возобновления лож, Куракин был далеко от Петербурга: с 1806 по 1812 год он исполнял обязанности русского представителя в Вене и Париже.

Ответить на вопрос, имело ли масонство значение в духовном развитии Куракина, чрезвычайно трудно. Обстоятельства его жизни проходили в обычных служебных рамках того времени. Лишь одно предпринятое им дело указывает на то, что он не был чужд хорошим побуждениям и известным образом выделялся из помещичьей среды начала XIX столетия. Он уволил крестьян своих слобод Харьковской губернии в свободные хлебопашцы и неоднократно пытался уволить на тех же условиях крестьян и саратовской вотчины. Дело не состоя-

лось только по нежеланию самих крестьян, что Куракина очень огорчало. В литературе хорошо известно, как редки были случаи такого увольнения на условиях, выработанных правительством. Условия, на которых некоторые помещики предлагали освободить своих крестьян, были для последних настолько невыгодными, что правительство принуждено было запрещать такие увольнения. Куракин, однако, в числе таких помещиков не оказался.

Это незначительное обстоятельство несколько по-иному освещает облик человека, для которого карьера и внешний блеск составляли основу жизни. В отношениях с людьми, по общему отзыву, он был холоден, проявление дружеских чувств было для него лишь вежливостью. Его не тяготили толпы слуг, и положение крестьян, ему принадлежавших, не было блестящим. А между тем к помощи его прибегали лица совсем ему неизвестные в полной уверенности, что «участование в судьбе ближнего и великодушное благо его споспешествование есть одно из различных отличающих достоинств Куракина». В саратовской вотчине при господском доме были устроены богадельня и больница, причем большим желанием Куракина было сохранение этих заведений и после своей смерти. А в Москве на общие средства его и братьев поддерживался Странноприимный дом. Благотворительность Куракина могла быть барством, а не сознательной деятельностью. Тем не менее она вполне соответствовала тому масонскому направлению, которое получило наибольшее распространение в конце XVIII века.

* * *

Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века. Пг., 1916.

Пекарский П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869.

Ешевский С. В. Сочинения. Т. III. М., 1871.

Архив кн. Ф. А. Куракина. Т. VIII, X. СПб., 1899—1902.

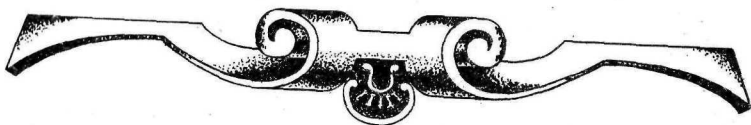
Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М., 1874.

Девятнадцатый век. Т. I. Сборник документов из архива Куракиных. М., 1872.

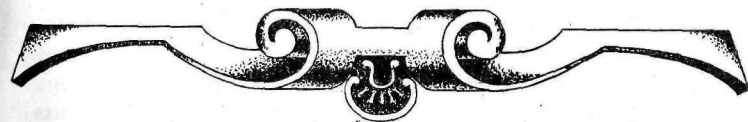
Утвержденное Положение... для учреждения после его кончины на вечные времена, его Саратовской вотчины в Надеждине, богадельни, больницы и училища, и для дарования после же его смерти вечной свободы этой вотчины его. Б. м., 1807.

Павел I
(1754—1801)

ПАВЕЛ I

Характер императора Павла I не может быть очерчен в немногих словах. В нем — не только сложность, но и болезненные проявления, которые определяли быструю смену его настроений. И по поводу того, какое из этих настроений больше соответствовало его натуре, могут быть высказаны лишь различные догадки.

Решить вопрос, принадлежал ли Павел I к Братству Вольных Каменщиков, не легко. О посвящении его в масонство существует много различных предположений, и нельзя сказать, какое из них более достоверно. Все они связываются со временем между 1776 и 1782 годами, то есть с периодом наибольшего распространения масонства в России в XVIII веке. По одному из наиболее вероятных предположений, Павел I еще великим князем был посвящен в 1776 году во время своей заграничной поездки. Во всяком случае, известна брошюра некоего Le Bauld de Nans, озаглавленная «Prologue pour la réception de S. Altesse Impériale M-r le Gr. Duc de Russie à Friedrichsfelde le 6 août 1776» [«Вступительная речь к принятию Святой Императорской Мастерской Российского Великого Князя во Фридрихсвильде 6 августа 1776». — Прим. ред.]

Менее вероятны предположения о посвящении наследника келейно Паниным или Елагиным, а также принцем Генрихом Прусским в Петербурге в 1776 году или королем шведским Густавом III в 1777 году в ложе «Аполлон». Как последний срок возможного посвящения Павла указывают заграничную поездку 1782 года в сопровождении его любимцев-масонов, князя Александра Борисовича Куракина и Сергея Ивановича Плещеева³⁷⁾. Во всяком случае, по возвращении из этого путешествия его отношения с матерью ухудшились, он поселился в Гатчине и уже редко являлся ко двору, а князь Куракин был выслан в саратовскую вотчину, где и пробыл до самой смерти Екатерины II.

Есть еще указания на то, что Павел был членом ложи «Малый свет» в Риге³⁸⁾. Но любопытнее всех свидетельств о посвящении — портреты Павла, на которых он изображен окруженным масонскими символами. Два таких портрета находятся в музее Щукина в Москве. Есть также портрет Павла и в стокгольмской масонской портретной галерее. На одном из этих портретов изображены всевидящее око в шестиугольной звезде, молоток, кирка, статуя богини Астреи; на шее у Павла — масонский золотой треугольник на голубой ленте. На другом портрете — Павел в масонском переднике третьей степени шведской системы. И вокруг него те же изображения различных символических предметов: треугольника, циркуля, молотка, лопатки, кирки, креста с обвивающейся змеею и др. По некоторым основаниям можно думать, что эти портреты были сделаны уже в XIX столетии.

Если предположить даже, что действительное посвящение Павла никогда не состоялось, все же большая популярность, которою пользовался наследник в Братстве, чрезвычайно знаменательна; масоны надеялись на его благоволение и покровительство, и в их песнях неоднократно встречаются похвалы ему. А в 1782 году, когда русское масонство получило право самостоятельной организации и были основаны учреждения для верховного управления, должность Великого Провинциального мастера, первая по своему значению, осталась вакантной: ее приберегали для наследника престола.

Отношения Павла с архитектором Баженовым, строителем Михайловского замка, которые послужили затем одним из главных обвинений против Новикова, большого значения не имеют. Баженов привозил наследнику в подарок от кружка московских масонов-издателей книги, бывал им обласкан, но в последнее свидание наследник запретил ему говорить о своих друзьях и сказал, что принимает его как художника, а не как мартиниста. Такой прием легко объясняется естественной предосторожностью великого князя, так как в то время Екатерина II приняла уже ряд мер против московских масонов. Точно так же не имеет большого значения ответ Павла на запрос императрицы о связях с масонами, сделанный ему во время следствия по делу Новикова. Зная отношения императрицы и наследника, легко себе представить, какую осторожность должен был проявлять последний, чтобы не навлечь на себя еще лишних подозрений. Однако в обществе вопрос о причастности Павла к масонству решался положительно. Князь Трубецкой, допрашиваемый в связи с делом Новикова, на вопрос, зачем они стремились привлечь к себе Павла Петровича, отвечал: «...я перед Богом скажу, что, предполагая, что сия особа в чужих краях принята в масоны, согласовался на оное из единого того, чтобы иметь покровителя в оном».

Обратимся теперь к моменту восшествия Павла I на престол. Первые шаги его были полны милости по отношению к масонам. Были приближены С. И. Плещеев и А. Б. Куракин, из Москвы вызван И. В. Лопухин, затем З. Я. Карнеев и А. А. Ленивцев, все — масоны³⁹⁾. Новиков был немедленно выпущен из крепости, Павел вызвал его к себе, милостиво принял, предлагал вознаграждение за понесенные гонения и убытки. Новиков от этого отказался, но просил освободить одновременно с ним заключенных. В их числе был масон Невзоров, содержавшийся как душевнобольной в Обуховской больнице. Государь посетил его несколько раз и по выздоровлении велел отправить в Москву к его покровителю И. В. Лопухину, на средства которого тот учился за границей⁴⁰⁾. Взысканы милостью были и другие масоны:

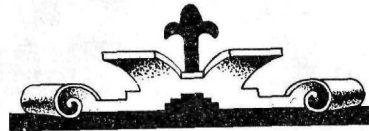
М. М. Херасков получил чин тайного советника, И. П. Тургенев назначен директором Московского университета⁴¹⁾, князь Н. В. Репнин произведен в фельдмаршалы.

Все эти действия не могут быть объяснены лишь как противоположение действиям покойной императрицы. После коронации в Москве у Павла даже явилась мысль об открытии масонских лож, для чего были собраны влиятельнейшие масоны, но они сами просили с открытием лож повременить; Павел, как говорят, обошелся с масонами весьма любезно, каждому подал руку и сказал: «В случае надобности, пишите ко мне просто, по-братски и без всяких комплиментов». По другой версии, приведенной в записке Особой канцелярии министерства полиции, этот эпизод передается с несколько другими подробностями. По приезду в Москву на коронацию Павел будто бы велел профессору Маттеи, управлявшему ложей «Три меча»⁴²⁾, созвать всех главных масонов; государь приехал на собрание и предложил присутствующим высказаться, не признают ли они за лучшее прекратить масонские собрания «ввиду распространившихся покушений на мнение общее». Все ответили отрицательно, только Провинциальный Великий мастер рижских лож барон Унгерн-Штернберг высказался, что мера, предложенная государем, необходима, особенно для пограничных губерний, куда могут проникать всякого рода люди. Павел остался доволен этим заявлением и сказал: «Не собирайтесь более до моего повеления».

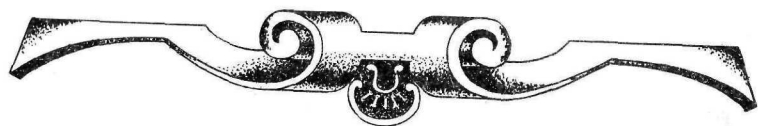
Повеления такого, однако, не последовало, и отношения между Павлом и масонами развития не имели⁴³⁾ ввиду принятия государем в 1798 году гроссмейстерства в Мальтийском ордене; в связи с этим известные масоны должны были обязаться подпиской не открывать лож без особого разрешения. Такой поворот в настроении императора, который легко объясняется его порывистым, болезненным характером, конечно, очень повредил успеху масонства в России. Но следует все же заметить, что во все время царствования императора Павла никто из членов братства не подвергался преследованию за принадлежность с масонству.

* * *

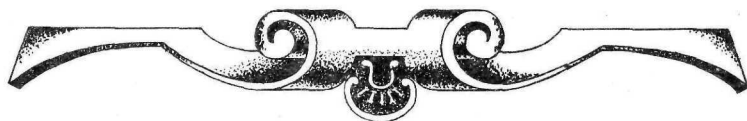
Логинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). Спб., 1908.

Иван Владимирович Лопухин
(1756—1816)

ЛОПУХИН

Одним из самых цельных вольных каменщиков, для которых масонство было не только увлечением, но и делом всей жизни, был Иван Владимирович Лопухин. Коренной московский житель, он сумел сохранить достоинство и независимость одинаково при Екатерине, Павле и Александре, в царствования столь различные по своему характеру.

Начав свою карьеру, как делало большинство людей его круга, в военной службе, он через несколько лет должен был ее оставить по болезни, которая надолго приковала его к дому. Это было время, которое он посвятил чтению и углублению в себя. К тому же моменту относится его посвящение в одной из московских масонских лож; он скоро занял в ней выдающееся положение и с воодушевлением отдался просветительным предприятиям, которые тогда зародились. Он был членом Дружеского Ученого Общества и Типографической компании, организованных кружком московских масонов, которые путем переводов и издания книг стремились распространять в обществе полезные знания. В то же время мы видим Лопухина управляющим мастером в ложе «Латона», членом тайной новиковской ложи

«Гармония» и розенкрейцером. С 1784 года он управлял ложей «Блистающая звезда» и был избран надзирателем для русских братьев в Директории теоретического гадуса, в то время только что учрежденного. Еще позднее он вошел в должности вице-президента в Директорию VIII Провинции, в тот момент, когда русское масонство получило самостоятельную организацию*. Все это указывает на то, как сильно его увлекла масонская работа⁴⁴). Она сделалась основой его мировоззрения и определила всю его дальнейшую жизнь.

В конце 1782 года Лопухин был определен советником Уголовной палаты в Москве, в которой затем занял место председателя. Он был противником слишком строгих наказаний и жестокостей и с необычайной последовательностью проводил свои убеждения за все время своей службы, придерживаясь правила: «чтоб преступление не оставалось без наказания, но наказание бы, сколько можно не нарушая законов, было умеренно, и общественной пользе тем соответственно... Мщение, как зверское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться в наказание. Вся их цель должна быть исправление наказуемого и пример для отвращения от преступлений. Все же превосходящее сию меру есть только бесплодное терзание человечества, и действие неуважения к нему, или лютости».

Такими словами он выражает свое воззрение. Смертную казнь Лопухин считал совершенно бесполезной: «...одному только Творцу жизни известна та минута, в которую можно ее пресечь, не возмущая порядка его божественного строения».

В «Записках об обстоятельствах своей жизни и службы», Лопухин приводит ряд случаев, в которых ему пришлось проявить большое мужество, отстаивая свои убеждения. Он рассказывает, например, о своем разговоре с московским главнокомандующим графом Брюсом⁴⁵),

* Перу Лопухина принадлежат и несколько масонских работ: «Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов», «Духовный рыцарь, или Ищущий премудрости», «О внутренней церкви» и др.

который высказался за большое число (200, 300, 400, 500) ударов плетью разбойникам и смертоубийцам. Лопухин вступил с ним в спор и доказывал разгневанному начальнику, что при таком числе ударов всегда будут засекать до смерти: «но отмена смертной казни, к величайшей славе Российского скиптра впервой России учрежденная, почитается мудрым законом милосердия; а ежели вместо того, чтобы отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутом, то это был бы закон тиранский».

По воцарении императора Павла Иван Владимирович был вызван в Петербург⁴⁶). Государь его обласкал, приказал быть при себе, но Лопухин, по прямоте своего характера, не смог долго удержаться в новой роли царедворца и уже в конце января 1797 года был отпущен с пожалованием в тайные советники и сенаторы в Московский департамент. Но и при грозном императоре Иван Владимирович не переставал следовать своим правилам и наблюдать за исполнением законности. Узнав, что по ходатайству наследника Павел хочет облегчить участь виновного, осужденного по одному делу с другими и равно виноватого, он решился перечить, доказывая, что не сравнять наказание будет не сходно с правдою и порядком. Павел не согласился, но и Лопухин не изменил своего мнения. Он не стремился угождать Павлу крутыми приговорами и не без гордости замечает: «Во все царствование Павла I во время присутствия моего в Сенате ни один дворянин пятым Департаментом не был приговорен к телесному наказанию; и по всем делам истощалась законная возможность к обегчению осуждаемых».

То же стремление к законности и справедливости проявилось у Ивана Владимировича Лопухина при исполнении других различных возлагаемых на него поручений. Два раза, сначала Павлом, а затем уже Александром I, он посылался для осмотра губерний, причем действия его вызывали не только одобрение, но и милостивые рескрипты. В 1802 году он был назначен председателем в комиссии для разбора споров и определения

повинностей в Крыму. Это назначение было для него чрезвычайно тягостным. Оно же помешало работе Лопухина на месте, где он больше всего был полезен: он был избран в том же году совестным судьей в Москве.

Лопухина никак нельзя назвать либералом в общепринятом смысле слова. Его взгляды зиждятся не на передовых и модных тогда идеях, а лишь на общем понятии о праве и справедливости. Он известен, например, как сторонник крепостного права и во время своей службы в департаменте не допускал никаких отклонений от закона, в то время как другие члены приняли себе за правило всячески держать сторону ищущих вольности от помещиков и делали это не по сердечному расположению, а для того, чтобы угодить тем государю; рассказ его об этом относится уже ко времени Александра I. «И в сем случае имею я предметом только общественную пользу, — писал Лопухин в своих Записках, — собственность моя нисколько тут не вмешивается... я первый, может быть, желаю, чтоб не было на Русской земле ни одного несвободного человека, если б, только то без вреда для нее возможно было». При этом интересно вспомнить, как этот же самый крепостник и барин Лопухин, накричав на своего слугу, бросился потом ему в ноги. «Я спешу, а камердинер мой еще и умываться мне не приготовил. Рассердился я до иступления; ругал его, не бил только от говорившего еще несколько во мне чувства долговременной любви к нему и внимания, по отличию хорошему его поведению. Но брань моя была такими язвительными словами, что побои легче бы ему, конечно, были. Он дрожал, бледнел — синие пятна показывались на лице его. Увидев это, почувствовал я вдруг всю мерзость моего поступка: и залившись слезами, бросился в ноги к моему камердинеру». Поистине не всякий дворянин начала XIX столетия, самых либеральных настроений, мог поступить с той же искренностью, как сделал это Лопухин.

В полной мере его масонские убеждения проявились в деле защиты духоборцев. Осматривая Слободско-

Украинскую губернию, он заинтересовался их судьбой и был единственным чиновником, причастным к этому делу, который оказался в состоянии понять настоящее положение. Он указывал губернатору, как неправильно увещевали этих людей, ожесточили и не поняли. «Верно их спрашивали, что думают о коронации, которая недавно была, — говорил он. — Известно, что обрядов никаких они не уважают, то, конечно, и о сем надлежащего понятия не имеют, да какая же нужда всякого теперь мужика, который встретится, спрашивать, что он думает о коронации. Верно их заставляли клясться образу, и они, по своим понятиям, не послушались. Верно их спрашивали, будут ли платить подати? Они, будучи теперь разоренные нищие, которые сами требуют помощи, ожесточились такими вопросами». В доказательство своей правоты он указывал на нанев духоборцев, который был прислан «в обличение их неверия в Спасителя; а преисполнен благости к нему». Узнав духоборцев ближе, Лопухин нашел в них «понятия о Христианстве самые коренные и правильные. Сила духа веры в них весьма замечательная и общая. Никто почти их ни грамоте не знает хорошенько, писать, из много бывших тогда у нас, худо умел только один: а всякий о законе говорит, как книга». Веротерпимость, одна из основ масонского учения, помогла Лопухину подойти к духоборцам без предвзятости и разглядеть в их невежественных представлениях истинное христианство⁴⁷⁾.

Лопухину часто ставили в упрек его страсть к раздаванию милости. Он не довольствовался своим состоянием, занимал у друзей, не возвращал долга и раздавал деньги бедным. Впоследствии он подвергся преследованию кредиторов, но не изменил своей давней привычки, которую не считал добродетелью, а лишь природной склонностью. Любопытен рассказ о таком случае. Один из кредиторов был особенно настойчив в своих требованиях возврата долга, ссылаясь на стесненное положение по случаю помолвки дочери. Лопухин обещал, наконец, вернуть взятые деньги и назначил для этого день. Придя в дом своего кредитора и увидев богато сервированный

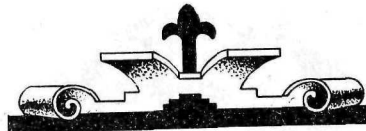

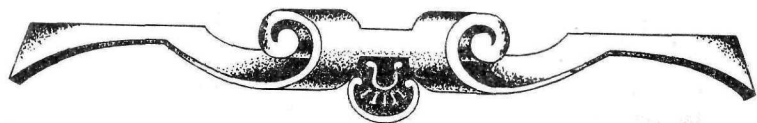
стол и множество гостей, Лопухин, ни слова не говоря, ушел и, зайдя в один из соседних домов, отдал все приготовленные к возврату деньги бедной многодетной вдове.

Можно было бы предположить, что занятый различными важными делами Лопухин оставил свои масонские работы, предоставив интересоваться ими людям молодым. Этого, однако, не случилось. В 1809 году, т. е. за несколько лет до смерти, он был членом тайной теоретической ложи «К мертвой голове». Следовательно, интерес его к познаниям этого рода не исчез, он не довольствовался проведением своих взглядов в делах, ему порученных, но продолжал стремиться к совокупным исканиям и братскому общению.

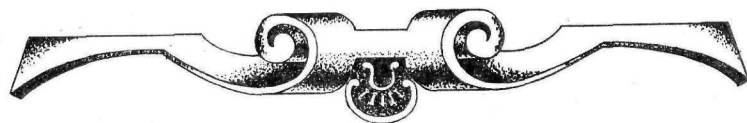
* * *

Лопухин И. В. Записки сенатора. Лондон, 1860.
Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. М., 1915.

Николай Михайлович Карамзин
(1766—1826)

КАРАМЗИН

Влияние Дружеского Ученого Общества и московских масонов на знаменитого историка Николая Михайловича Карамзина относят обычно лишь к четырем годам его жизни, с 1785 по 1789 год, проведенным в стенах общежития Дружеского Общества, среди его воспитанников, под непосредственным руководством таких столпов московского масонства, как Н. И. Новиков, С. И. Гамалея и др. В действительности это было не совсем так. И хотя Карамзин перед отъездом в 1789 году за границу заявил о своем выходе из Братства, впечатления, вынесенные им из этого короткого периода, остались в нем на всю жизнь.

Прослужив два года в Преображенском полку, Карамзин вышел в отставку и уехал на родину в Симбирск. К этому времени относится его вступление в ложу «Златой венец», и в 1784 году он числился в степени подмастерья⁴⁸. Блестящий молодой человек, он вел светскую рассеянную жизнь, проводил время за картами и в развлечениях. Возможно, что именно в ложе его заметил Иван Петрович Тургенев, также член московского кружка масонов, впоследствии руководитель и старший товарищ Дружеского Литературного Общества, душой ко-

торого были его сыновья и которому обязан поддержкой и руководством Жуковский на первых порах своей литературной работы⁴⁹). Тургенев предложил Карамзину ехать с ним в Москву и посвятить себя литературе. И вот мы видим Карамзина в следующем году воспитанником Дружеского Ученого Общества, на иждивении которого он прожил четыре года. Он и прежде занимался литературой, но единственным своим произведением, изданным до поступления в Общество, доказал только то, что не умел еще порядочно писать по-русски.

С переездом в Москву для Карамзина началась новая жизнь. Он отдавался науке, товарищескому молодому кружку, который хранил память о недавно умершем профессоре Шварце, всю свою короткую жизнь посвятившем воспитанию и просвещению молодежи. Карамзин поселился вместе с Александром Андреевичем Петровым⁵⁰). В их квартире рядом с изображением распятого Спасителя стоял бюст Шварца. Воспитанник переводческой семинарии, организованной профессором Шварцем, Петров, сумрачный мистик, был старше Карамзина несколькими годами и имел на него сильное влияние. Оно вполне соответствовало общему духу московского масонства и воспитало в Карамзине твердую оппозицию философии материалистов.

В этот период жизни Карамзин много работал: перевел поэму Галлера «О происхождении зла», несколько статей для издания «Беседы с Богом, или Размышления на каждый день года» и несколько статей для «Детского чтения»*.

В 1789 году Карамзин собрался за границу. Бытует мнение, что на этой почве, в связи с выходом его из Общества, у него произошел разлад с членами московского

* Н. М. Карамзин и А. А. Петров редактировали издававшиеся с 1785 по 1790 год при «Московских ведомостях» листочками разные нравоучительные переводные сочинения под названием «Детское чтение». Издателем «Московских ведомостей» в то время был Н. И. Новиков.

масонского кружка. Но, с другой стороны, есть сведения, что поехал он на средства того же Дружеского Ученого Общества, а перед отъездом С. И. Гамалея преподавал ему инструкцию путешествия, которая состояла исключительно из наставлений морального свойства.

Действительно, по возвращении из путешествия прежняя близость у Карамзина с его воспитателями уже не установилась. Тем не менее интересно отметить некоторые факты его дальнейшей жизни. В те годы, когда московский кружок по распоряжению Екатерины прекратил уже свою просветительскую деятельность, а Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость, Карамзин решился выступить на защиту своего старого друга. Он напечатал в 1792 году в «Московском журнале», который издавал по возвращении из заграницы, оду, обращая в ней внимание на Новикова, и старался рассеять возведенные на него подозрения. Называется эта ода «К милости».

*Что может быть Тебя святее,
О Милость, дочь благих Небес?
Что краше в мире, что милее?
Кто может без сердечных слез,
Без радости и восхищенья,
Без сладкого в крови волненья
Взирать на прелести Твои?
Какая ночь не озарится
От солнечных Твоих очей?
Какой мятеж не укротится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онемеют:
Где ступишь, там цветы алеют,
И с неба льется благодать.
Любовь Твои стопы лобзает,
И нежной Матерью зовет;
Любовь Тебя на трон венчает,
И скиптр в десницу подает.*

*Текут, текут земные роды,
Как с гор высоких быстры воды,
Под сень державы Твоея.*

*Блажен, блажен народ, живущий
В пространной области Твоей!
Блажен Певец, Тебя поющий
В жару, в огне души своей! —
Доколе Милостию будешь,
Доколе права не забудешь,
С которым человек рожден;*

*Доколе гражданин довольный
Без страха может засыпать,
И дети — подданные вольны —
По мыслям жизнь располагать,
Природой наслаждаться,
Везде наукой украшаться,
И славить прелести Твои;*

*Доколе злоба, дочь Тифона,
Пребудет в мрак удалена
От светлозолотого трона;
Доколе правда не страшна,
И чистый сердцем не боится
В своих желаньях открыться
Тебе, Владычице души;*

*Доколе всем даешь свободу,
И света не темнишь в умах;
Пока доверенность к народу
Видна во всех Твоих делах,
Дотоле будешь свято чтима,
От подданных боготворима
И славима из рода в род.*

*Спокойствия Твоей Державы
Ничто не может возмутить;
Для чад Твоих нет большей славы,
Как верность к Матери хранить.
Там трон вовек не потрясется,
Где он любовью брежется
И где на троне — Ты сидишь.*

Надо сказать, что выступление Карамзина было в то время чрезвычайно смелым и только чувство большой признательности могло толкнуть его на этот шаг.

Карамзину еще раз пришлось встретиться с Новиковым незадолго до смерти последнего в селе его Тихвинском. Новиков завел с ним речь о масонстве, хотел знать, был ли он в их обществе и какой степени достиг⁵¹⁾. Получив ответ Карамзина, он предложил открыть ему высшие степени. Только по нежеланию Николая Михайловича это не состоялось.

После смерти Новикова Карамзин обратился с запиской к императору Александру, в которой излагал материальное положение детей покойного. В ней есть, между прочим, следующие слова: «Новиков, как гражданин, полезной своей деятельностью заслужил общую признательность; Новиков, как теософский мечтатель, по крайней мере, не заслуживал темницы: он был жертвой подозрения извинительного, но несправедливого».

Масонские связи Карамзина не ограничились близостью к Новикову. Его судьбой деятельно интересовался Михаил Никитич Муравьев, отец декабриста Никиты Муравьева, человек редкой душевной чистоты, в похвалах которому сходятся люди самых различных взглядов⁵²⁾. Муравьев был назначен в 1803 году попечителем Московского университета и в том же году ходатайствовал перед Александром I, своим бывшим воспитанником, о присвоении Карамзину звания историографа и назначении денежного пособия. В связи с этим между Карамзиным и Муравьевым завязалась переписка, которая тянулась до смерти последнего в 1807 году. Карамзин сообщал о ходе своей работы по составлению «Истории Государства Российского», обращался с просьбами о допущении его в архивы и о высылке необходимых книг. Карамзин стремился высказать свою благодарность человеку, который доставил ему возможность заниматься любимым делом; он называл Муравьева «наш попечитель», уверял, что никогда не забудет того, что он для

него сделал, и одно из писем заканчивал следующими торжественными словами: «Если Провидению угодно, чтобы я с честью совершил труд, мной предпринимаемый, то добрые Россияне узнают с чувствительностью, что Вы были великодушным и единственным покровителем автора, усердного ко славе Отечества».

Следует, таким образом, признать, что в пору ученья и первых литературных опытов не только мирозерцание Карамзина складывалось под влиянием московских масонов, но и вся его жизненная карьера определилась их помощью и заботами; общение с ними не прекращалось во всю жизнь славного историографа. Карамзин ценил это и его нельзя упрекнуть в неблагодарности.

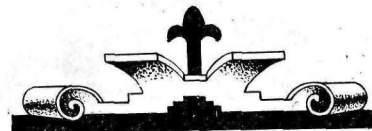
* * *

Карамзин Н. М. Сочинения. Т. I, III. СПб., 1848.

Сиповский В. В. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.

Тихонравов Н. С. Четыре года из жизни Карамзина. — В кн.: его же. Сочинения. Т. III. М., 1898.

Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916.

Михаил Михайлович Сперанский
(1772—1839)

СПЕРАНСКИЙ

С именем Михаила Михайловича Сперанского связаны обыкновенно представления о нем как о рационалисте, крупном государственном деятеле, создателе нового делового языка и бюрократии в России. А между тем имя его для многих известно как имя переводчика «Подражания Христу» Фомы Кемпийского. Выбор этой книги для перевода уже достаточно свидетельствует о его духовной жизни и склонности к мистицизму.

Дошедшие до нас письма Сперанского из ссылки, которой он подвергся в 1812 году, к своему другу Ф. И. Цейеру служат доказательством того, как был глубок его интерес к вопросам этого рода. «До времени нашей разлуки, — пишет Сперанский, — состояние наше в сущности было лишь состоянием размышления и молитвы умной. Вся наша духовность, собственно, сводилась к теософии. К ней же относятся творения Беме, С. Мартена, Сведенборга и т. п. Это лишь азбука. Десять лет провел я в ее изучении, и когда я думал, что овладел всем, я трудился лишь над начатками. Это было преддверие Царствия Божия».

В этих письмах останавливают внимание рассуждения о внутренней церкви, истине, символическом об-

щении и тому подобных чисто масонских предметах. Сперанский призывает к погружению в созерцание не на людях, а в полном одиночестве, советует повторять молитву «Господи, помилуй», молитву духа, которая приносит великие плоды. «Чтобы приготовляться издали к дару созерцания, — советует он, — ...приучить себя, всякий раз, как не занимаешься умственным трудом или правильною молитвою, к тому, чтобы повторять мысленно или сквозь зубы слова «Господи, помилуй», но повторять их безостановочно и непрерывно... Это лучше всех умозрений относительно самых высоких истин веры... В особенности полезно засыпать с этим маленьким упражнением на устах или в мыслях».

В одном из его писем встречается даже такое любопытное утверждение: «Не знаю ни одного государственного вопроса, которого нельзя бы было свести к духу Евангелия. Все, до самого тарифа, может быть рассмотрено и обработано в этом духе и под его руководством».

Несомненно, что Сперанский, несмотря на трезвость мысли, которою он обладал, находился под большим влиянием мистического направления, особенно развитого в начале XIX столетия, а следовательно и масонства, носившего в то время все черты христианско-мистического учения. В связи с этим очень любопытна переписка Сперанского с И. В. Лопухиным. Дружеские письма последнего за 1804—1806 годы, когда Сперанский только начинал свою карьеру, свидетельствуют о том, что Лопухин деятельно следил за направленностью чтения и занятий молодого Сперанского, давал ему советы и снабжал книгами, которые пользовались большим уважением в среде русских вольных каменщиков. О содержании писем Сперанского мы можем судить только по ответам Лопухина. Отвечая на одно из них, Лопухин писал, что принял его «с несказанным утешением и по живым в нем чувствам вашей ко мне дружбы, и по такому твердому расположению любви к предмету и мною любимому». Вкус к чтению, которым радуется своего наставника Сперанский, — лучшее «для ищущих истины и

прямого дела». Лопухин возлагает на Сперанского большие надежды и в одном из писем восклицает: «Не могу описать, как мне приятно, что вы так прилежно занимаетесь. Кроме частной пользы, я уверен, что вы будете важным орудием для общего в круге истины, по употреблению на свет ее редких ваших свойств». В обход обычая, Лопухин посылает Сперанскому «предрагоценную» книгу, явно из числа употребительных между масонами высоких степеней, «собственно и совершенно для вас. Оригинал ее на немецком. Она в конце осьмнадцатого века и, конечно, из самой высокой степени просвещения писана. Предрагоценная — но только вам посылаю». Эти слова вполне определяют характер отношения Лопухина к Сперанскому⁵³). Он старался направить своего молодого друга по пути единственно истинному для него самого. И труды его не оказались напрасными. Если Сперанскому и не пришлось в связи с его большой государственной деятельностью сыграть значительную роль в масонстве, то его личные убеждения сложились под большим влиянием масонского учения.

С первых годов царствования Александра I начинается быстрое возвышение Сперанского. Исключительные дарования и работоспособность проложили ему дорогу к широкой и плодотворной деятельности. С 1806 года, когда Александр близко узнал своего статс-секретаря, до падения Сперанского в начале 1812 года, он был действительно правой рукой государя, вдохновителем и исполнителем всех планов и мероприятий, на которые в то время была такая мода. Это было время высшего значения и величия Сперанского. В то же время как результат постоянных бесед с государем созрел план всеобщего государственного образования; в полной мере он применен не был ввиду нерешительного характера Александра, но следы его сохранялись в различных областях государственного управления на протяжении всего столетия.

Именно в этот период исключительно напряженной и широкой деятельности Сперанский вступил в масонскую ложу «Полярная звезда», руководимую Фессле-

ром *. Об его вступлении сохранилось несколько свидетельств. Камергер Ренненкамф рассказывает, что по поручению Фесслера, специально для приема Сперанского, сделал перевод ритуала посвящения с немецкого на французский язык. При посвящении якобы присутствовали сам Фесслер, профессор Гауеншильд, профессор Лоди, Дерябин, Ренненкамф, Розенкамф, еще один масон и служащий брат ⁵⁴). После запрещения масонства в 1822 году Сперанский, давая требуемую подписку, упоминал, что в 1810 году был посвящен в масонское братство «с ведома правительства». Трудно установить, так ли обстояло дело. Во всяком случае, утверждение Сперанского, что он посетил ложу всего несколько раз, не соответствует действительности ⁵⁵). Профессор Гауеншильд в записке о деятельности Сперанского рассказывает, что последний лелеял мысль преобразовать русское духовенство путем масонства. Он полагал основать для этого особую ложу и обязать наиболее способных из духовенства принимать участие в ее работах. Ритуал для нее, составленный самим Фесслером, был прочитан в 1810 году. Не ясно только, была ли эта ложа в конце концов открыта ⁵⁶).

По свидетельству Магницкого, Сперанский посещал также ложу Грабянки ⁵⁷). Впрочем, эти собрания имели мало общего с регулярным масонством и были, кстати сказать, единственной в России ложей, в собраниях которой принимали участие женщины.

Наиболее интересен в приведенных свидетельствах рассказ о тех преобразовательских планах, которые связывал Сперанский со своим вступлением в масонство. Ясно, что оно представлялось ему новой ареной деятельности. Вышедший из духовной среды и воспитанный в стенах семинарии, Сперанский, естественно, должен был обратить свои преобразовательские стремления именно в сторону духовенства, недостатки которого были ему хорошо известны.

* Игнатий Аврелий Фесслер, писатель, историк. В 1809 году был приглашен в качестве преподавателя еврейского языка в Духовную академию в Петербурге. Известен как реформатор масонства.

Ссылка Сперанского, а затем его служба в Пензе и Сибири генерал-губернатором помешали продолжению его деятельности в масонской организации и отделили от общения с людьми, которые могли разделять его духовные интересы ⁵⁸). Но семя было брошено, оно нашло в душе Сперанского подходящую почву.

* * *

Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века. Пг., 1916.

Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1—2. М., 1914—1915.

Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1908.

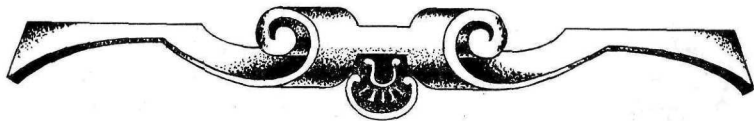
Письма Лопухина к Сперанскому и Сперанского к Цейеру. — Русская старина. Т. 97, 1899, с. 67—87, 289—314, 607—631.

Русский архив, 1870.

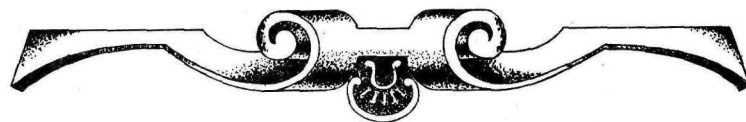
Письмо М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах. —

Александр I
(1777—1825)

АЛЕКСАНДР I

Царствование Александра I принесло русскому масонству вторичный расцвет и небывалое распространение, а затем закрытие лож с подписанием всеми членами обязательств впредь не принимать участия в масонских работах. Эти противоречивые события усложняют вопрос о том, был ли сам Александр масоном или нет.

Вступив на престол, Александр подтвердил ранее существовавшее запрещение масонских собраний; но, несмотря на это, уже с 1803—1805 годов число лож растет с большой быстротой. К этому времени относится рассказ об аудиенции известнейшего масона Бебера у государя⁵⁹). Между ними произошел обстоятельный разговор, во время которого Бебер изложил сущность масонского учения и просил разрешить масонство в России. Государь, убежденный Бебером, якобы ответил: «То, что вы мне говорите об этом обществе, меня вынуждает не только оказать ему покровительство, но даже просить о принятии меня в число масонов; полагаете ли вы, что это возможно?» «Государь, — сказал на это Бебер, — сам я не могу дать вам ответ, но я соберу всех масонов столицы, чтобы им объявить о вашем намерении, и я убежден,

что они поспешат пойти навстречу вашим желаниям». С этим разговором связывается и самое посвящение Александра в масонство⁶⁰⁾.

Насколько рассказ достоверен — сказать трудно. Сведений о посвящении Александра никаких не сохранилось, но зато ложи начали возникать одна за другой в обеих столицах и провинции и получили затем стройную организацию.

По мнению исследователя, который приводит рассказ о разговоре государя с Бебером, в Александре I масоны видели в продолжение долгих лет своего покровителя, своего единомышленника, сознательно следовавшего идеям и заветам масонства. «Даже не важно, был ли Александр I фактически принят в масоны, подвизывался ли ему масонский фартук, посещал ли он масонские ложи. Этот вопрос второстепенный. Важно, что Александр, искавший мятежной душой исхода своему нравственному чувству, вечно колеблющийся, представлявший тип ищущего, пристававший то к одной секте, то к другой, был долгое время масоном по духу. Он многие годы не запрещал масонских собраний, не преследовал масонов как религиозных еретиков или политических заговорщиков. И масоны видели поэтому в Александре оплот своему ордену». Имя Александра часто упоминается в масонских песнях, и не редки случаи, когда в масонских ложах устанавливался портрет государя.

А вот рассказ о посещении Александром в 1817—1818 годах ложи «Три добродетели». В то время наместным мастером в ней был Александр Николаевич Муравьев, впоследствии декабрист. Он рассказывал своим братьям, что во время посещения ложи император попросил его что-то объяснить. Муравьев обратился к нему по масонскому обычаю на «ты», что произвело на Александра неблагоприятное впечатление. Из этого рассказа, правда, не видно, что Александр был масоном⁶¹⁾. И хотя не в обычае масонских лож посещение лицами не посвященными, но для Александра могло быть сделано исключение. Стал бы, однако, Муравьев обращаться к высо-

кому посетителю как к равному себе брату, если бы не считал его посвященным?

В литературе встречаются также упоминания о принадлежности Александра к Великому Польскому Востоку и о председательствовании в походной русской ложе «К верности» в 1814 году в Париже⁶²⁾. Но указания кратки и достоверность их установить трудно.

Следует еще заметить, что в начале своего царствования Александр не боялся окружать себя масонами. Таков был друг его юности и помощник первых лет правления — Адам Чарторыжский⁶³⁾. Есть некоторые указания на причастность к масонству также Кочубея и Новосильцева⁶⁴⁾. Из членов Неофициального Комитета один только Павел Строганов, по-видимому, не принадлежал к масонству. Воспитатель Александра, Михаил Никитич Муравьев, сохранил до конца своей жизни близость к государю и был в его царствование сначала товарищем министра народного просвещения, а затем попечителем Московского университета. Министр полиции Балашов, статс-секретарь Сперанский, министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын — все они в той или другой степени были причастны к масонским работам⁶⁵⁾.

Неприятное отношение к масонам у Александра начало развиваться только с 1819—1820 годов, когда были оставлены все увлечения молодости, планы преобразований и когда терпимость Александра ко взглядам окружавших его сменилась резко проявляемой подозрительностью, когда военные события и быстро развивавшийся мистицизм выдвинули на место прежних людей совсем другого склада и направления. Начав с недовольства по поводу сильного распространения масонства среди офицеров и повелений о различных секретных справках, Александр кончил разгромом масонства: 1 августа 1822 года последовал высочайший рескрипт о запрещении всех масонских лож в России, мотивом к чему были выставлены «беспорядки и соблазны, возникшие в других государствах от существования разных тайных обществ»⁶⁶⁾.

Факт закрытия лож именно в царствование Александра I приводит историков масонства в некоторое смущение. Не есть ли это прямое указание, что Александр сам никогда не принадлежал к ордену, а лишь под влиянием общего увлечения относился к нему благосклонно? Характер Александра и резкое изменение в его политике не позволяют, однако, сделать решительного вывода. В начале и конце царствования все его деяния, а не только отношение к масонству освещены настроениями, друг другу совершенно противоположными. Не следует также удивляться и тому, что в мемуарах современников-масонов нигде не проскользнул упрек августейшему брату за пресечение открытого существования масонской организации. Масонские дела обходили полным молчанием во все последующее время царствования Николая I.

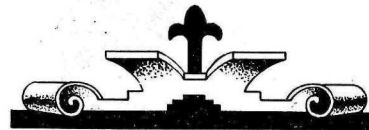
* * *

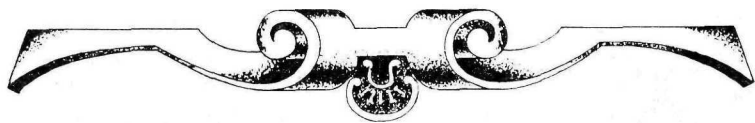
Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1908.

Кропотов Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени. Б. м., 1874.

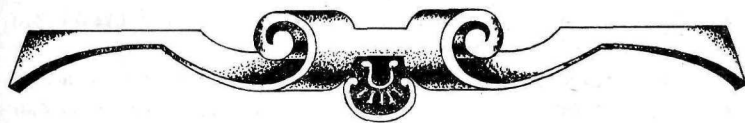
Acta Latomorum, I. Paris, 1815.

Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1—2. М., 1914—1915.

Александр Сергеевич Грибоедов
(1795—1829)

ГРИБОЕДОВ

Многосторонен и богат был талант Грибоедова, автора обессмертившей его комедии «Горе от ума». Александр Сергеевич Грибоедов за свою короткую жизнь не только не успел растратить своих дарований, но даже целиком использовать их. Он блистал на всех поприщах, на которых ему пришлось выступить, горел, метался и в тот момент, когда начал остепеняться и мечтать о жизни серьезной, нашел смерть при трагических обстоятельствах в Персии.

В то время когда Грибоедов начинал свое образование, немало было случаев очень раннего поступления в университет. Но все же одиннадцатилетний студент, каковым оказался Грибоедов, был редким исключением. Такое раннее поступление объяснялось лишь его блестящими дарованиями и прекрасной предварительной подготовкой. Он пробыл в университете шесть лет, окончил три факультета, сделался кандидатом прав и словесных наук и был готов к испытанию на степень доктора, когда началась война 1812 года, сбившая его дальнейшие планы.

Рассеянная жизнь, пирушки и веселье, сопровождавшие военную службу, продолжались для Грибоедова и

по окончании войны, когда он вернулся в Петербург. Это, впрочем, не помешало ему принять участие в тех новых общественных настроениях, которые особенно сильно сказались в Петербурге в послевоенные годы. Он близко знал многих членов тайных обществ, будущих декабристов, но сам не примкнул с ним⁶⁷⁾. Зато вместе с Чаадаевым и Пестелем он был посвящен в ложе «Соединенные друзья» в 1816 году и в 1817—1818 годах числился в ней в степени подмастерья. Тогда же в качестве одного из учредителей подписал акт ложи «Du Bien» [«Благо». — Прим. ред.]. Внешнее участие Грибоедова в масонской организации этим кончается⁶⁸⁾. В 1818 году он был назначен секретарем при русском посольстве в Персии, и когда снова, пять лет спустя, вернулся в Москву и Петербург, масонство в России официально уже не существовало.

По складу своего ума, скептического, пронизательного и холодного, он не мог разделять вполне общего увлечения масонством точно так же, как остался чужд политическим интересам последних лет царствования Александра. И тем не менее идея совершенствования общества путем совершенствования самих себя, которую выдвигало масонское Братство, находила сочувственный отклик в его уме и сердце. Портрет Грибоедова, который рисует А. А. Бестужев, как нельзя больше подтверждает это: «...он не мог и не хотел скрывать насмешки над позлащенной и самодовольною глупостью, ни презрения к низкой искательности, ни негодования при виде счастливого порока. Кровь сердца всегда играла у него на лице. Никто не похвалится его лестью; никто не дерзнет сказать, будто слышал от него неправду. Он мог сам обманываться, но обманывать — никогда. Твердость, с которою он обличал порочные привычки, несмотря на знатность особы, показались бы иным катонской суровостью, даже дерзостью».

Вступление Грибоедова в масонскую ложу совпало с началом перелома в его настроении, когда он почувствовал необходимость круто повернуть свою жизнь. В то же время на него произвела тяжелое впечатление

смерть приятеля, В. В. Шереметева, убитого на дуэли, в которой был замешан и Грибоедов⁶⁹⁾. В таком тяжелом настроении он уехал из Петербурга, и на Востоке, долго оставаясь в духовном одиночестве, он много думал и приобрел склонность к самоуглублению и замкнутости.

Тщетно будет искать в произведениях Грибоедова заметные следы влияния на него масонского учения. Его сильная индивидуальность, не способная подчиняться, все перемалывала на свой лад. Однако есть некоторые намеки на то, что в моменты творческой работы мысль Грибоедова возвращалась к тем впечатлениям, которые он вынес, посещая масонские ложи.

Восклицание графини-бабушки в третьем действии «Горе от ума»: «Что? К фармазонам в клоб? Пошел он в басурманы?» — значения в том смысле, которое нас сейчас интересует, конечно, не имеет. Оно лишь указывает на то, какое отношение к масонским ложам складывалось в обществе людей, не имевших представления о существе дела. Но Чацкий, который по некоторым данным схож чертами характера с другом Грибоедова П. Я. Чаадаевым и, конечно, имеет много общего с самим Грибоедовым, этот Чацкий, отвергающий «предрассудки и заблуждения общества», есть тип человека, воспринявшего масонское учение, которое борьбу с этими пороками ставило своей первоначальной задачей и символически называло это «обтесыванием грубого камня». Поэтому интереснее слова, которые автор влагает в уста самого Чацкого.

В разговоре с Платоном Михайловичем Чацкий спрашивает: «Забыв шум лагерный, товарищи и братья?» Слово «братья» в этом случае употреблено как общепринятое обращение в масонской среде. В своем монологе Чацкий восклицает:

*Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний,
Или в душе его сам Бог возбудит жар*

*К искусствам творческим, высоким и прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!*

И «ум, алчущий познаний», и «творческие искусства» — все это вполне может быть истолковано как индифферентное упоминание о познавательных работах и царственном искусстве, которыми занимались вольные каменщики.

«Горе от ума» писалось Грибоедовым в течение десяти лет, с 1812 по 1823 год. Легко предположить, что эти небольшие намеки были введены им в комедию как раз в тот момент, когда он сам был причастен к масонской организации.

Но вот еще слова, которые заслуживают особого замечания. В стихотворении «Прости, отечество!», которое написано, по-видимому, году в 1825—1826-м, есть такие строки:

*И что ж с тех пор? — Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб,
И в нем живых себя заклали.*

В этих словах уже совершенно ясны следы ритуального масонского посвящения.

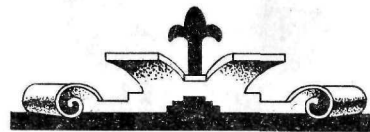
Все это — мелочи. Они приобретают значение лишь в связи с тем, что Грибоедов вкусил масонское посвящение. Но несомненно: этот талантливый человек, писавший о самом себе, что для души его «нет ничего чужого, — страдает болезнью ближнего, кипит при слухе о чьем-нибудь бедствии...», этот отзывчивый ум не мог не откликнуться на призывы масонства, которое в то время в своих рядах объединяло представителей самых различных передовых течений и культурное значение которого было столь несомненно.

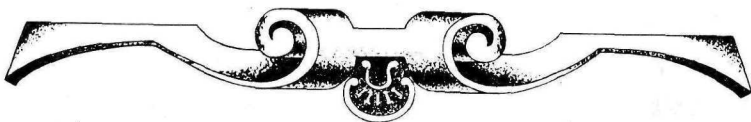
* * *

Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений. Т. I, II. СПб., 1911.

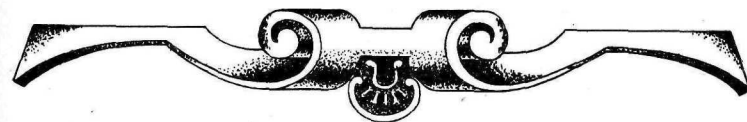
Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1908.

Семевский В. И. Декабристы-масоны. — Минувшие годы, 1908, № 3.

Александр Сергеевич Пушкин
(1799—1837)

ПУШКИН

«4 мая был я принят в масоны», — так записал в своем кишиневском дневнике Александр Сергеевич Пушкин в 1821 году ⁷⁰⁾.

С образом молодого и пылкого поэта, жизнь которого в Кишиневе была рядом буйных выходов, шалостей и увлечений, плохо вяжется представление о познавательной работе, происходившей в тиши вольнокаменческих мастерских. Связь поэта с масонством следует искать не во внешнем образе жизни, а в той внутренней озаренности, которая руководила всем его творчеством. Он, сам по своей природе «посвященный», лучше других мог понимать смысл и значение масонского посвящения, тайну «творческого труда». Радостное восприятие жизни и поэтическая сторона масонского учения — вот то, что могло увлечь его. Стремление вольных каменщиков построить свой собственный мир путем сверхчувственным, мистическим для Пушкина было его собственным творческим стремлением. Эта тайна вдохновенного посещения высказана была им в стихотворении «Пророк». Написанное в 1826 году на библейскую тему, оно тем не менее может быть принято за чистое воплощение масонской идеи, как она воспринималась в то время.

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне, я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*

Весьма вероятно, что оценил ветреного поэта для масонской работы и ввел в ложу «Овидий» его старший друг, благотворно на него влиявший, генерал-майор Павел Сергеевич Пушкин ⁷¹⁾. Ему посвятил Пушкин известное послание:

*И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа —
Ты молоток возьмешь во длань*

*И воззовешь: «свобода!»
Хвалю тебя, о верный брат,
О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй — им просвещенный!*

Участники ложи «Овидий» — люди мало интересные. Это главным образом иностранцы, частью военные, частью свободных профессий. Следует отметить в их среде только генерал-майора Тучкова и уже названного Пушина, председателя ложи ⁷²⁾. Основание ложи вызвало длительную переписку с Великой Управляющей ложей «Астрея». В то время правительство уже весьма недоброжелательно относилось к масонству, и появление новой ложи казалось подозрительным. Необходимый для открытия ложи диплом был выслан лишь в октябре 1821 года. А в конце декабря ложа уже прекратила свои работы.

Основываясь на показании Пушкина о его посвящении 4 мая 1821 года, можно заключить, что ложа существовала еще до получения формального разрешения. Возможно, что отчасти в связи с этим обстоятельством мастер стула ложи Пушин подвергся преследованиям, был даже привлечен по делу декабристов, но затем оставлен без внимания ⁷³⁾. Это дало Пушкину основание писать Жуковскому в январе 1826 года из села Михайловского: «Я был масон в кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи». Кишиневская ложа «Овидий» была действительно последней ложей, открывшей свои работы перед запрещением масонства. Пушкин ошибался только, считая ее главной причиной запрещения масонства. Причины были гораздо шире, но, возможно, открытие новой ложи послужило одним из поводов.

Известно, что Пушкин, живя в Кишиневе, пользовался действительно отеческими заботами и покровительством генерала-лейтенанта И. Н. Инзова, главного попечителя и председателя Комитета о колонистах южного края России и наместника Бессарабской области. Будучи некогда сам масоном, членом ложи «Золотой

шар» в Гамбурге, он покровительствовал открытию ложи в Кишиневе и посвящению в ней поэта ⁷⁴⁾. Отношение Инзова к этому сказалось в официальном рапорте: «...обращение с людьми иных свойств, мыслей и правил, чем те, коими молодость руководствуется, нередко производит ту счастливую перемену, что наконец почувствуют необходимость себя переименовать. Когда бы благодатное сие чувство возбудилось и в г. Пушкине, то послужило бы ему в истинную пользу».

Общества людей, объединенных тайной, им одним известной, вообще чрезвычайно интересовали Пушкина с его ищущей натурой. Он был близок со многими членами тайных политических обществ, хотя сам не примыкал ни к одному из них. Некоторые члены обществ, как Горбачевский ⁷⁵⁾, опасались его непостоянного характера, другие, как С. Г. Волконский ⁷⁶⁾, угадывая великий талант Пушкина, не хотели подвергать его случайной политической каре и потому не привлекали к участию в обществе. Но Пушкин, по словам Вяземского, «жил и раскалялся в жгучей и вулканической атмосфере» заговора.

Любопытно свидетельство Якушкина ⁷⁷⁾ о его настроении в то время. В присутствии Пушкина был поднят вопрос о том, полезно ли было бы учреждение в России тайного общества. Разговор был начат с целью выяснить отношение к этому участвовавшего в беседе Равевского, а затем обращен в шутку. Пушкин, отнесшийся к беседе с серьезностью и волнением, был очень огорчен и сказал: «Я никогда не был так несчастен, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собою, и все это была только злая шутка».

Такое настроение не было случайным, хотя впоследствии Пушкин говорил о себе: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости».

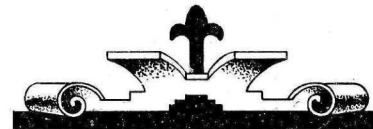
Любопытно еще обратить внимание на то, что посвящение Пушкина в масонство было как бы продолжением семейной традиции. Отец поэта Сергей Львович и дядя

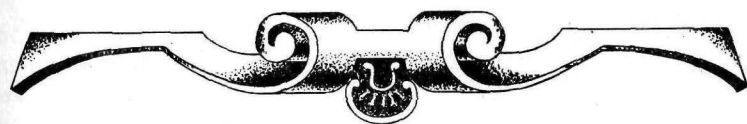
его Василий Львович, в свое время известный поэт и писатель, также были вольными каменщиками. Сергей Львович был принят в 1817 году в шотландскую ложу «Александр», затем перешел из нее в ложу «Сфинкс», а в 1818—1819 годах исполнял должность второго стюарта в ложе «Северные друзья». Василий Львович, посвященный в ложу «Соединенные друзья» в 1810 году, был одновременно членом ложи «Елизавета к добродетели» и в 1817—1820 годах состоял секретарем и первым стюартом в ложе «Ищущие манны» ⁷⁸⁾.

Не более полугода Пушкин мог принимать участие в регулярных масонских работах. Срок — слишком короткий для проникновения в идеологию масонства даже в том случае, если бы он отнесся серьезнее к своему вступлению в Братство. Искать в произведениях Пушкина, как и у Грибоедова, прямого отражения идей Братства Вольных Каменщиков было бы занятием напрасным. Но естественно, что русским масонам дорога и ценна мысль о том, что в их рядах вместе с другими выдающимися и замечательными людьми был и величайший из русских поэтов, носитель высокого дара вдохновенного проникновения в природу вещей — того дара, который масоны называют «царственным искусством» и которое, по их мнению, является тайной, необъяснимой для профанов и открывающейся только посвященным.

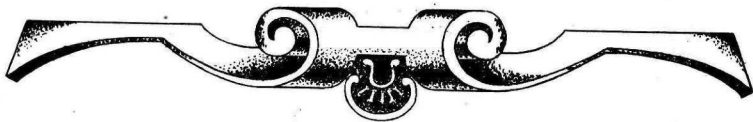
* * *

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1937—1959.
Вересаев В. Пушкин в жизни. М., 1988.
Кульман Н. К. К истории масонства в России. Кишиневская ложа. — Журнал Министерства народного просвещения, 1907, октябрь.
Семевский В. И. Декабристы-масоны. — Минувшие годы, 1908, № 2, 3, 5—6.

**РУССКИЕ
ВОЛЬНЫЕ
КАМЕНЩИКИ**

История русского масонства давно привлекает внимание исследователей. Богатые архивные материалы позволили изучить почти исчерпывающе внешнюю организацию масонства и его ритуальную сторону. Опубликовано большое число документов, сохранилось немало воспоминаний современников, и, поскольку речь идет о масонстве XVIII — начала XIX веков, можно сказать, что его история, если и не написана, то в достаточной мере подготовлена работами М. Н. Лонгинова, А. Н. Пыпина, П. Пекарского, Т. Соколовской и других. Мало исследованными остаются до сих пор только материалы, которые можно было бы почерпнуть из зарубежных масонских архивов, и нет еще справочников, которые облегчили бы работу историков русского масонства.

Некоторые мысли о масонстве, изложенные в книге, появились у автора в ходе работы по составлению «Словаря русских вольных каменщиков». Он был задуман полнее, чем оказалось возможным его осуществить в виду того, что я могла использовать только опубликованный материал. Однако число зарегистрированных имен (более 3000) немногим уступает действительному числу русских вольных каменщиков. Это обстоятельство дает мне смелость поделиться своими наблюдениями, не дожидаясь того времени, когда Словарь будет проверен и дополнен по архивным материалам.

Интерес такого Словаря, на мой взгляд, состоит в том, что он показывает нам живых людей; их имена дают нам

больше, чем статистические таблицы. Сведения об этих людях, о характере и составе масонских лож, работавших не только в столицах, но и по всей России, дают представление об интереснейшем явлении культурной жизни и в то же время не столько о его вожаках и выдающихся личностях, но и о масонской общности в целом.

В мой первоначальный план входило собрать имена по возможности всех русских масонов и тех из иностранцев, которые были членами русских лож или были связаны с ними во время своего пребывания в России. Предполагалось начать Словарь с первых русских масонов, то есть с первой четверти XVIII века и довести до конца XIX. В процессе работы однако выяснилось, что Словарь может охватить первое столетие существования масонства и должен завершиться приблизительно 1822 годом, когда масонство в России было запрещено.

Сведения о русских вольных каменщиках позднейшего времени в печатной литературе почти не встречаются, и о масонстве вообще можно найти только упоминания; даже в записках лиц, заведомо принадлежавших к ложам, встречаются лишь иносказания или отрицательная оценка масонства. Тем не менее оно продолжало существовать, хотя и не как самостоятельная организация, а в лице отдельных членов иностранных лож, главным образом французских; но из-за условий внутренней жизни России масонство не могло проявить настоящую жизнеспособность⁷⁹⁾. Утратив регулярность, оно утратило и свое значение деятельного фактора в культурной жизни страны. Внимание общества было завоевано новыми веяниями и интересами. В начале XX века, как известно, масонство в России было распространено довольно широко, но к этому времени в связи с политической обстановкой в стране приобрело характер карбонарский. Внутренней связи с прежним русским масонством оно не имело, и рассмотрение его поэтому не было моей задачей. Умолчание о членах лож этого

периода было естественным еще и потому, что многие из них живы.

Попутно мне приходится коснуться некоторых ложных представлений о русском масонстве, которые встречаются у его исследователей.

Масонство, занесенное в Россию, по преданию, Петром Великим почти одновременно с его возникновением на Западе⁸⁰⁾, чрезвычайно быстро привилось и распространилось. Объясняется это тем, что появление масонства в России совпало с пробуждением общества, с первыми исканиями освобождавшейся мысли.

На Западе масонство было лишь одной из школ нравственной философии, у нас оно было единственной. Некоторую конкуренцию ему составило только вольтерьянство. Но русская почва для масонских идей была благодатнее.

В Западной Европе масонство играло роль элементарной школы, через которую проходили и которая оставляла лишь «теплые впечатления». У нас «масонские идеалы, как ни были они отвлечены и неясны, дольше могли оставаться единственным нравственным руководством и стремлением. Это была популярная форма нравственного воспитания»*.

Этот взгляд можно подкрепить любопытной выдержкой из книги Рейнбека о конце XVIII века: «Вы можете, наконец, думать о масонстве как хотите, — часто говорил мне один весьма почтенный человек, когда заходила об этом речь, — но я должен вас уверить, что его нынешняя недеятельность в России есть существенный и весьма чувствительный недостаток для взрослого юноши, — я разумею масонство в настоящем смысле слова. И если любящие отцы и почтенные друзья человечества вводят добронравных сыновей в союз в друже-

* Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века. Пг., 1916, с. 259. Такое утверждение особенно ценно потому, что А. Н. Пыпин ко многим сторонам масонства относится совершенно отрицательно.

ском кругу, то им все-таки недостает живительного созерцания, которое так необходимо истинному масону. Да, я должен вам откровенно признаться, я очень склонен объяснять этим то отсутствие правил при успехах умственного образования, отсутствие правил, которое составляет такую резкую и общую черту в высших и низших классах в России; нет другого средства, которое бы могло больше действовать на внутреннее развитие, и такое учреждение, как масонство, именно в подобном государстве может сделать в особенности много; различные образованные классы общества уже не имеют теперь никакого центра соединения и остаются друг другу чужды. Что государству недостает масонства, это обнаруживается для внимательного наблюдателя везде в тех вещах, где имеются в виду общепользные и благотворительные цели и где эти цели не достигаются от холодности, корыстолюбия и невнимательности тех, кому должно быть поручено их исполнение*.

Те же мысли высказал в своих записках Михайловский-Данилевский⁸¹⁾, несмотря на признание, что ревностным масоном он не был и потому ему не для чего защищать эту секту**.

Идея «духовного строительства», взаимного нравственного совершенствования и поддержки, религиозной терпимости и другие идеалы, попав на нетронутую почву, зазвучали в понимании русских вольных каменщиков в их особой чистоте. И вся масонская работа с первых шагов до момента запрещения в 1822 году была освещена «исканием истины», даже когда дело шло лишь о ритуалах, степенях или других тайных познаниях.

Не излагая истории русского масонства, что не может быть задачей краткого очерка, я только намечу путь его развития.

* Пыпин А. Н. Указ. соч., с. 538—539.

** Михайловский-Данилевский А. А. Из воспоминаний. 1822 г. — Русская старина, 1900, т. С III, с. 634—635.

С той поры как масонство окрепло, т. е. с начала царствования Екатерины II, начинаются искания «истинной системы». Наибольшее распространение получила трехстепенная система масонства, возглавленная Елагиным⁸²⁾. Но почти одновременно с нею в Россию было занесено семистепенное масонство, называвшееся Циннендорфским. Оно получило также большое распространение, и в 1776 году глава его, Рейхель, сделал попытку прийти к какому-нибудь соглашению с Елагиним. Соглашение это состоялось, но продержалось недолго: в том же году последовал раскол. После этого в поисках истины началось сближение со Швецией, влияние которой продержалось в течение нескольких лет. Затем с переходом первенства в делах масонских от петербургских лож к московским снова берет верх немецкое влияние. Оно и преобладало до закрытия лож и разгрома предприятий Новикова. При восстановлении масонства в первые годы царствования Александра первенство снова оказалось за шведской системой и все существовавшие ложи объединились под главенством Великой Директоральной ложи «Владимир к порядку». Но по мере роста и распространения лож накапливалось и недовольство многостепенной системой и высшим управлением, и в 1815 году произошел раскол, после чего численное и моральное преимущество перешло к вновь образованному союзу Великой ложи «Астрея», который вернулся к трехстепенному масонству⁸³⁾.

Такова схема: искание истины, в данном случае — в системе, подчинение то одному иностранному влиянию, то другому, соединение, затем раскол, опять искания и т. д. Эти поиски истинного масонства отражает один из ответов Н. И. Новикова Шешковскому, в котором он передал сказанное ему Рейхелем: «...но ежели увидишь, что чрез самопознание, строгое исправление самого себя, по стезям христианского нравоучения, в строгом смысле не разделено ведущее; чужду всяких политических видов и союзов, пьянственных пиршеств, развратности нравов членов его; где говорят о вольности такой

между масонами, чтобы не быть покорену страстям и порокам, но владеть оными, такое масонство или уже есть истинное или ведет к сысканию и получению истинного, что истинное масонство есть, что оно весьма мало-численно, что они стараются нахватывать членов, что они по причине великого в сии времена распространения ложных масонов весьма скрытны и пребывают в тишине: ложные масоны всего этого не любят»*.

Был пройден длинный путь, пока, наконец, сложилось убеждение, что масонский ритуал, говоря словами Фесслера, должен быть «только поучительными образами, рассчитанными на благороднейшие чувства людей, образами, через посредство которых познанная разумом сущность масонства делается ближе к сердцу, согревает и одушевляет его»**.

Внешняя сторона, различные системы и влияния не нарушали, однако, внутренней общности русского масонства. Любопытно, например, отметить, что три столпа масонства конца XVIII века — Новиков, Шварц и Н. Трубецкой — принадлежали к трем различным «оттенкам» ордена. Шварц был масоном германского строгого наблюдения, Трубецкой — масоном шведской системы, Новиков — циннендорфцем⁸⁴⁾. Равнодушные к спорам о значении системы, по которой работали, они за нее не стояли, а держались ее лишь как средства общения с масонским миром***.

Названным трем лицам и их ближайшим друзьям и соратникам мы и обязаны тем, что «русское масонство выделилось из западноевропейского, подчинилось условиям русского общества, сузило свои цели, сделалось выражением того общественного движения, которое до тех пор смутно сознавалось в обществе и

* Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, с. 067.

** Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1914, с. 109.

*** Лонгинов М. Н. Указ. соч., с. 145, 173.

которое нашло для себя, наконец, точку опоры в масонстве»*.

В этом смысле отвечали сами московские вольные каменщики герцогу Брауншвейгскому: в масонстве надо отличать два предмета. Внешность его, то есть степени, обряды и вообще организация — дело чисто условное и должны изменяться, согласуясь с обстоятельствами времени, если желать, чтобы оно приобрело влияние на мнения и истребляло предрассудки. Но сущность масонства не изменяется, и происходит оно от отдаленной древности, особенно в трех первых его степенях**.

Принимая все это во внимание, я считала бы правильным рассматривать русское масонство XVIII века как нечто целое, не разбивая его на системы и не разделяя на два периода, которые могут быть намечены лишь искусственно. Перерыв широкой деятельности вольных каменщиков, обусловленный запрещением лож Екатериной II и молчаливым подтверждением этого запрета при Павле, следует рассматривать как влияние порядка внешнего, а не внутреннего. Если подходить к вопросу не с целью изучения систем и послушаний, а особо интересуясь личностью и составом деятелей, которые направляли интересы массы вольных каменщиков, то преемственность масонства XIX века от масонства конца XVIII века совершенно ясна. Между розенкрейцтерством последних десятилетий XVIII века и мистическим направлением кружка Лабзина⁸⁵⁾ устанавливается некоторая внутренняя связь, если мы обратимся к деятелям того и другого периодов, хотя бы к тому же О. А. Поздееву⁸⁶⁾, розенкрейцеру и видному масону новиковского времени, который при возрождении масонской деятельности снова стал руководителем консервативного мистического направления в масонстве.

* Семека А. В. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства. — Журнал Министерства народного просвещения, 1902, № 2, с. 397.

** Лонгинов М. Н. Указ. соч., с. 170.

А сыновья Поздеева и И. П. Тургенева, так же как и сын И. Г. Шварца, отмечены в летописях масонства XIX века⁸⁷⁾.

Сущность масонства в любой период его легального существования можно выразить словами князя Н. Н. Трубецкого: «...А как масонство есть единое средство, чрез которое мы можем человеков возбуждать к воззрению на самих себя, к почувствованию своей ничтожности и к покорению своей воли, то все силы наши к тому стремиться должны, чтоб средство сие распространить и тем собратий наших из когтей сатанинских исторгнуть...»*

Но и перешагнув за запрещенные 1822 года, замкнувшись в тайных кружках, русское масонство сохраняет то же направление: «Были слова все те же, что и до запрета 1822 года: о борьбе со злом в мире и в самом себе, о восхождении по таинственной лестнице или о цепи, соединяющей мир земли и тленья с миром духа. На лестнице этой много ступеней, в цепи много звеньев, но главнейшие из них — самопознание, покаяние, устройство внутреннего храма, высшее прозрение, у иных ищущий экстаз, у других великое безмолвие созерцания»**.

Несомненно, однако, что, основываясь на этом наивном искании истины путем систем и повинований, русское масонство под влиянием времени и других обстоятельств пережило смену множества направлений — от мистики до карбонарства. Отдавая дань времени, в царствование Екатерины главным в его деятельности было просвещение, а во время Александра I на первый план были выдвинуты социально-политические вопросы.

Появление на сцене именно этих вопросов и создало почву для обвинения масонства в том, что оно превратилось в организацию политического характера. Не-

* Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915, с. 256.

** Соколовская Т. О. Капитул Феникса. Пг., 1916, с. 90.

которая справедливость обвинения может быть признана только к тому периоду, когда в ложи входили будущие декабристы и когда появились тайные общества.

Действительно, часть декабристов — 23 из преданных верховному суду и 27 из членов тайных обществ и привлеченных к следствию, — принимала участие в работах масонских лож*. Но это ни в коей мере не дает нам права отождествлять две организации, столь различные по духу и стремлениям. Во-первых, не все члены тайных обществ были расположены в пользу масонской организации. Известно, например, отрицательное отношение к масонским ритуалам декабриста Якушкина⁸⁸⁾ и его нежелание привносить их в тайные общества. В своих записках он писал: «Они (то есть вольные каменщики, бывшие одновременно и членами тайного общества) привыкли в ложах разыгрывать бессмыслицу, нисколько этим не смущаясь, и им желалось некоторый порядок масонских лож ввести в Союз благоденствия**.

Были, правда, и такие (например, А. Н. Муравьев), кто прямо признавал на следствии, что они желали скрыть тайное общество под масонским покровом; или такие, как М. Н. Новиков, племянник знаменитого масона⁸⁹⁾, которые считали масонскую ложу местом вербовки в «Союз благоденствия»***. Но большинство русских вольных каменщиков не было склонно к политическому радикализму и относилось враждебно к попыткам придать политический характер работе Братства****.

Здесь опять будет уместно сослаться на свидетельство Михайловского-Данилевского. В его записках есть такие слова: «...мы еще так несведущи в предметах, касающихся до политики, что правительству нельзя

* Семевский В. И. Декабристы-масоны. — Минувшие годы, 1908, № 3, с. 138—140, 142—153; № 5—6, с. 379—380.

** Якушкин И. Д. Записки. М., 1926, с. 31.

*** Семевский В. И. Указ. соч. — Минувшие годы, 1908, № 5—6, с. 411.

**** Там же, с. 389.

опасаться, чтобы беседы и разговоры о них могли сделаться целью масонских лож... скажу откровенно, что в русских масонских ложах я не слышал никаких других разговоров, кроме о вспоможении бедным, словесности и об искусствах...⁹⁰⁾ Не опровергаю, однако же, чтобы между масонскими ложами не происходило злоупотреблений, но никакое человеческое учреждение не существовало без недостатков»*.

Нет сомнения, что людей, занятых политическими вопросами и радикально настроенных, привлекали в масонские ложи идеи свободы и равенства⁹¹⁾. Это стремление найти решение волнующих их вопросов в стенах масонских лож вполне объяснимо. Масонству, по самому существу его, прогрессивные политические идеи не могли быть чужды. Уважение к человеческому достоинству, устранение между людьми религиозных, государственных и сословных различий, борьба с религиозной нетерпимостью — все это, естественно, согласовалось с мечтами тех, кто стремился к реформе государственного строя, к реформе управления. И то, что в ложах сглаживались соблюдаемые во внешней жизни иерархические, служебные и сословные различия, давало почву для распространения идей политического и общественного равенства.

Впрочем, тут же приходило и разочарование. Истинное масонство не интересовалось злобой дня, не стремилось к политическим действиям. Мало того: в его работах был даже элемент консервативности⁹²⁾. А духовные искания не всегда могли удовлетворять таких людей, которые жаждали непосредственной деятельности и стремились к немедленному переустройству общества, не дожидаясь его духовного развития. Именно в связи с этим, по-видимому, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы и Никита Муравьев прекратили посещение масонских лож и в 1819—1820 годах были исключены⁹³⁾. Также и Пестель

* Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. — Русская старина, 1900, т. С III, с. 634—635.

оставил масонство в 1817 году и в 1819-м был исключен. Другие декабристы, напротив, оставались в ложах вплоть до запрещения масонства, а С. Г. Волконский был даже деятельным и ревностным членом ложи⁹⁴⁾.

Что касается русского масонства конца XVIII века, то в его политической лояльности нельзя сомневаться. Хотя последователи мистицизма и масонства и были заподозрены в политических замыслах, но подозрения эти основаны на чистейшем недоразумении и интриге. Были, возможно, отдельные члены лож, которые пытались втянуть масонство в политическую игру. Но это не может быть отнесено к руководителям масонства, и в особенности к наиболее пострадавшим во время разгрома кружка московских масонов. Ни стремление привлечь на свою сторону симпатии наследника Павла Петровича, ни переписка с герцогом Брауншвейгским, ни другие их действия не имели оттенка политического заговора. Цель была одна — заботы об ордене и распространение между людьми вместе с полезными знаниями «братской любви, которой учит истинная религия, заключающаяся в слове Божиим...»*. В «Общих законах», принятых в ложах, запрещалось даже «говорить о касающихся до религии, законных и государственных делах и распрях под штрафом 5 руб. для бедных»**. А Кутузов в письме к Трубецкому писал: «...вам известно, что истинный вольный каменщик, что истинный христианин должен быть непримиримым врагом всякого возмущения противу законных власти и общественного блага. Пусть наши клеветники, окрещая нас различными именами, приписывают собственные их намерения; мы, презирая их, будем стараться пребывать верными и послушными гражданами»***. Письмо это, впрочем, приходится признать с оговоркой: оно могло быть писано в расчете на то, что содержание его путем перлюстрации станет из-

* Лонгинов М. Н. Сочинения. 1850—1859. Т. 1. М., с. 236.

** Пекарский П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869, с. 67; из бумаг Микулина.

*** Барсков Я. Л. Указ. соч. с. 200.

вестно императрице. Но и помимо всякого расчета письмо соответствовало действительности⁹⁵⁾. И не напрасно И. В. Лопухин во время допроса сказал Прозоровскому: «В обязанностях верного подданного и сына отечества не уступлю я ни вам, ни кому»*.

Историческая действительность, таким образом, не дает никаких оснований для установления связи между периодами развития политической мысли и подъема общества и расцветом масонской деятельности. Первые годы царствования Александра I были временем ослабления стеснительных мер, чем масонство воспользовалось наравне с другими обществами, преследующими просветительные и политические цели. При этом не следует упускать из виду то, что масонство не организация действия (кроме взаимопомощи и благотворительности), а учение. И поскольку оно уходит исключительно в политическую мысль — постольку изменяет своей действительной идеологии.

Русские вольные каменщики были непогрешимы и по отношению к религии и церкви. Отказавшись от догмата, который, по словам масонов-риторов, сковывал и подчинял, и заменив его символом, дававшим простор и свободу мысли**, они строили свое учение на основе глубокой религиозности и чистой нравственности***. По обряду Капитула Феникса, рыцарь Востока (шестая степень) обязывался распространять и защищать христианскую веру. Т. О. Соколовская, автор статьи, которой я в данном случае пользуюсь, обращает внимание на то, что рыцарь Востока должен был распространять именно православную веру, тогда как в подлинных актах, заимствованных из Швеции и Германии, не могло быть о ней и речи****⁹⁶⁾.

* Лопухин И. В. Записки сенатора. Лондон, 1860, с. 54.

** Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. М., 1915, с. 54.

*** Лонгинов М. Н. Сочинения. 1850—1859. Т. 1, с. 249.

**** Соколовская Т. О. Обрядность прежнего русского масонства. — Русская старина, 1907, т. 132, декабрь, с. 716.

И. П. Тургенев, переводчик книг мистико-религиозного характера, всегда оставался истинно православным человеком, и масонство не отдаляло его от церкви*. И. В. Лопухин, известный защитник духоборцев в начале XIX века, неодобрительно высказывался по поводу отращения ими «всякой наружности». Он считал, что «все уставы и обряды церковные спасительны и полезны, ибо в них устроены способы внешними обращениями упражнять самые внешние чувства на вспоможение духу, возбуждать сердце трогательностью совершения служебных обрядов... сообщать о них разительное понятие разуму»**. А митрополит Платон, испытав в вере Н. И. Новикова, писал Екатерине: «...молю всещедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и тобою, Всемилостивейшая Государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, каков Новиков»***. Редким исключением был в этом отношении Невзоров, который к духовенству относился весьма отрицательно⁹⁷). Это, впрочем, не мешало ему, наблюдая за многими молодыми людьми, навещая их, осведомляться, ходят ли они в церковь, говеют ли, постятся ли и т. п.****.

Масонство в России было близко к христианству, причем христианство воспринималось вольными каменщиками как нравственная система, своего рода внутренняя церковь. Таким образом, глубокого разлада с церковью у русских каменщиков не существовало, о чем свидетельствует участие священнослужителей в масонских ложах. Известен случай, когда священник исполнил обязанности витии (Феофил в ложе «Умирающий сфинкс»⁹⁸). Здесь кстати будет указать, что мною отмечен только один случай принятия в ложу лица нехри-

* Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2, с. 13—14.

** Лопухин И. В. Указ. соч., с. 139.

*** Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты, с. 262.

**** Семевский В. И. Указ. соч. — Минувшие годы, 1908, № 5—6, с. 403; Бартенева П. М. И. Невзоров. — Русская беседа, 1856, № 3, с. 121.

стианского исповедания. Это — еврей Фогель⁹⁹). По другому делу обстояло на Западе, где масонство было прежде всего антиклерикально и находилось в постоянной оппозиции к церкви.

И вот, идя путем самопознания и нравственного исправления с глубокой убежденностью и готовностью служить общественному благу, русские вольные каменщики должны были возвыситься над «шаткой и бесцельной толпой образованных русских»*. Эти последние не понимали стремления масонов к соборному труду в деле распространения просвещения; оно казалось им подозрительным и еретическим. И. В. Лопухин, защищаясь от такого рода обвинений, писал: «Мы, говоря о них, разоряемся на наши заведения типографические и прочие, которые по их же словам хороши, да для чего-то де делается? Ну, на это последнее можно им, наконец, коротко отвечать с одним, не помню каким, автором: «tes rougquoi ne finiront jamais!» [«Твои вопросы нескончаемы». — Прим. ред.]. В рассуждении же первого, то я не знаю, для чего они не жалеют и не заботятся больше о тех, которые разоряются, проигрывают, желая обыгрывать, пропивают, проедают и на разные проказы издерживаются. И вдобавок, говорят это такие, которые сами в долгах и разорились. А на каких материях разорились! Я бы не хотел променяться с ними»**.

При сравнении русского масонства с западноевропейским останавливает внимание почти полное отсутствие у нас шарлатанства и интриг, тогда как на Западе, особенно в Германии, они прочно переплетались с идейным масонством. Исследователям немецкого масонства нельзя не поставить в упрек подробнейшее изложение походов Джонсона, барона Гунда, Штарка и др.,

* Пыпин А. Н. Указ. соч., с. 193—194, 196; Лопухин И. В. Указ. соч., предисловие Искандера¹⁰⁰, с. VIII.

** Барсков Я. Л. Указ. соч., с. 24—25.

*** См., например, статью: Перцев В. Н. Немецкое масонство в XVIII в. — В кн.: Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1.

между тем как они не имеют по существу никакого отношения к истинному масонству и действовали лишь под его прикрытием***.

Русскому масонству такого рода интриги совершенно не свойственны. Искать причину, по-видимому, бесполезно, и правильнее будет отнести к этому как к факту. Русское масонство за все время своего существования не знает случая злоупотребления братским доверием, похищения кассы ложи и тому подобных действий¹⁰¹⁾. Интрига с Запада заносилась, но не пускала глубоких корней. Увлечение заезжей знаменитостью Калиостро прошло быстро и бесследно¹⁰²⁾. Любопытно также, что только заезжие вольные каменщики и иностранцы, находившиеся на русской службе, оказывались непорядочными, как, например, известный розенкрейцер барон Шредер и братья Розенберги, исключенные из ложи в 1781 году¹⁰³⁾. Тайная интрига, стремление к наживе посредством использования братского союза не нашли подходящей почвы в среде тех людей, которые образовали русские ложи. И даже немецкое розенкрейцество, занесенное на русскую почву, проявилось лишь одной своей чистой стороной. Не выманиванием денег у простодушных богачей и алхимическим кудесничеством занимались наши розенкрейцеры: они посвящали себя «познанию тайн природы», не извлекая из этого никаких выгод.

В истории русского масонства есть печальный случай другого рода, который был, несомненно, одним из самых темных пятен на всем ее протяжении. Это — верноподданническое донесение видного масона Кушелева¹⁰⁴⁾. В нем он указывал, что только его ложа работает по истинной, древней и апробированной правительством масонской системе, предлагал сделать ее Директоральной с тем, чтобы она, «яко мать российских лож или яко верховное начальство и судилище их, управляла оными по духу древних, истинных масонов...», и начертал правила, без соблюдения которых масонские ложи лучше было бы закрыть, так как при тогдашнем их положении, считал Кушелев, ожидать нечего, кроме гибель-

ных последствий. Правительство избрало путь более простой: не рассматривая правильности работы различных лож, оно запретило их все. Честолюбивые планы одного из членов, стремившегося стать во главе русского масонства, послужили, таким образом, на фоне возросшего влияния Фотия¹⁰⁵⁾ последним толчком к закрытию лож в 1822 году*.

По-другому обстояло с карьеризмом. Он, конечно, проникал в русские ложи, но по сравнению с западно-европейским масонством выражен был чрезвычайно слабо. Не было главного условия для его развития — покровительства двора. У нас масонство всегда только терпелось, но никогда не поощрялось. Посвящение не способствовало карьере, а иногда даже мешало. Можно отметить случай, когда именно масонство помешало назначению Фонвизина в 1821 году на пост губернатора¹⁰⁶⁾. Александр при этом заметил, что «полагает его весьма способным к сей должности», но вместе с тем объявил, что «он известен за весьма большого масона», о чем и сожалает**.

Лучший пример того, как карьеризм отступал на второй план даже для человека, стремившегося в ложу ради знакомства с сильными мира сего, — рассказ И. П. Елагина: «Я с самых юных лет моих вступил в так называемое масонство, или свободных каменщиков общество, — любопытство и тщеславие, да узнаю таинство, находящееся, как сказывали, между ими, тщеславие, да буду хотя на минуту в равенстве с такими людьми, кои в общежитии знамениты, и чинами и достоинствами и знаками от меня удалены суть, ибо нескромность братьев предварительно все сие мне благовестила. Вошед таким образом в братство, посещал я с удовольствием Ложи: понеже работы в них почитал совершенною

* Уничтожение масонских лож в 1822 г. — Русская старина, 1877, т. 18, с. 645, 650, 661.

** Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1908, с. 17.

игрушкой, для препровождения праздного времени вымышленного... препроводил я многие годы в искании в Ложях и света обетованного и равенства мнимого: но ни того, ни другого ниже какие пользы не нашел, колико старался...» Он оставил масонство и только много лет спустя, после разговора с людьми искушенными и влиятельными в масонстве и упорного чтения, пришел к убеждению, «что масонство по древности своей, по прохождению его от народа в народ, по почтению от всех просвещенных языков должно заключать в себе нечто превосходное и полезное для рода человеческого...» Новые стремления и чаяния снова привели И. П. Елагина в ложу, где он сделался ревностным вольным каменщиком, а имя его вслед за тем присвоили трехстепенной системе, поборником которой он был*.

Положительный отзыв о масонстве мы находим в записках человека, нравственный облик которого не ясен и который, будучи директором Особой канцелярии министерства полиции, вступил в масонство с целью «наблюдать, чтобы Ложь соответствовали общей государственной цели — безопасности»**. Говорит он так: «Слова: иллюминат, франк-масон обратились, как будто, в брань; но в корне своем ложь не иное что, как школа духовного развития и возвышения человека. О злоупотреблениях я молчу: где их нет?»¹⁰⁷⁾

И действительно, злоупотребления единичны и не характерны для русского масонства. Столпы и руководители, так же как и масса вольных каменщиков, тех, чьи имена редко упоминаются или вовсе неизвестны, были проникнуты самыми чистыми стремлениями к познанию истины, объединению в братский союз, основанный на любви, и были заняты «перевоспитанием взрослых людей», как они сами говорили***. Терпимость ко

* Елагин И. П. Записка. — Русский архив, 1864, с. 586—604.

** Де-Санглен Я. Записки. — Русская старина, 1883, № 1, с. 33; Семевский В. И. Указ. соч. — Минувшие годы, 1908, № 2, с. 21.

*** Масонство в его прошлом и настоящем, т. 2, с. 52—53.

взглядам другого, обязанность иметь «ту религию, в которой все люди согласны»*, привлекала в орден людей разных толков и направлений, различного общественного положения, равно штатских и военных.

В книге Т. О. Соколовской, лучшего и беспристрастного знатока русского масонства, проделавшего кропотливую работу по изучению архивных документов, дана прекрасная характеристика русских вольных каменщиков: «Имена наших прадедов-масонов дошли до нас далеко не все, но и те, что дошли, считаются не десятками: их многие сотни. Масонские бумаги русских прежних масонов пожелтели от времени. Но они старательно сохранили нам и то, что происходило в ложах, и имена тех, кто присутствовал в ложах; сохранились и протоколы лож, и именные списки членов, и приглашения на заседания карты, и деловые письма, и дружеские послания. Длинной цепью протянулись имена масонов: вот они, эти звенья масонской цепи, вот принцы крови, люди княжеского, графского и баронского родов, родовитые дворяне, именитые граждане, люди «подлого состояния», люди при деле и люди без дела, помещики, мещане, общественные деятели, люди науки и искусства, воспеватели ума и воспитатели духа, духовные лица, педагоги, блестящие храбрые воины, люди различных корпораций и различных ремесел, поэты, люди от мира и не от мира сего, люди крепкой воли и светлой души, люди только воли или только души — силуэты и светлые, легко очерченные, и резкие, черные»**. Нельзя лучше обрисовать состав русского масонства.

Для суждения о распространении русского масонства на помощь приходят цифры.

Еще в 1792 году московский генерал-губернатор князь Прозоровский доносил императрице: «В масонских ложах, как сказывают мне, очень много и за не-

* Семевский В. И. Указ. соч. — минувшие годы, 1908, № 5—6, с. 399.

** Соколовская Т. О. Русское масонство... с. 154—155.

сколько лет собиралось их до 800 человек...»*. Эта цифра, относящаяся, по-видимому, только к ломам московского повиновения, сразу разрушает странное утверждение одного современного исследователя русского масонства, который говорит: «Приблизительный подсчет обнаруживает, что их вообще было мало, поразительно мало, не больше, чем декабристов. В частности, московских масонов новиковского круга было всего около тридцати; близко же связанных постоянными отношениями оказывается среди них не более десяти»**.

О первых десятилетиях XIX века сведения совершенно точны. Общее число вольных каменщиков колебалось между 1300 в 1816—1818 годах и 1600 в 1820—1822 годах ***¹⁰⁸). Значительное число — 700—800 человек и больше — состояло в петербургских ложах. Остальное число распределялось между Москвой, которая по количеству лож не уступала Петербургу ¹⁰⁹), и провинцией. Ложи были во многих городах: Белостоке, Вологде, Киеве, Кишиневе, Кронштадте, Митаве, Нижнем Новгороде, Полтаве, Рязани, Томске, Феодосии, Одессе, Каменец-Подольске, Симбирске, Ревеле и других городах, главным образом юго-восточной России. Всего к тому времени насчитывалось 32 ложи ****¹¹⁰). В каждой ложе состояло от 15 до 150 человек, включая и почетных членов. Средним числом следует считать для ложи того времени 30, 40, 50 братьев *****.

Не увлекаясь цифрами, которые не могут быть одина-

* Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Н. Тихоновым. Т. V. М., 1863, с. 35.

** Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1, с. 248 (статья Н. Пиксанова).

*** Семевский В. И. Указ. соч. — Минувшие годы, 1908, № 3, с. 127—128.

**** См. хронологический указатель лож у Пыпина и: Толки и настроения умов в России по донесениям высшей полиции в С.-Петербурге с августа 1818 по 1 мая 1819 года. — Русская старина, 1881, т. 32, с. 674.

***** Пыпин А. Н. Указ. соч., с. 553—554; Осьмнадцатый век. М., 1869, т. II, с. 369; Уничтожение масонских лож в 1822 г. — Русская старина, 1877, т. 18, с. 661—664.

ково характерны для всего рассматриваемого мною периода, скажу о том, как изменялся состав лож по мере развития масонства в России.

Как я уже упомянула, масонство было занесено при Петре Великом, причем первыми членами и должностными лицами ложи были он сам, Лефорт и Гордон ¹¹¹). Таково предание. Очень вероятно, что именно Петр занес в Россию и масонство одновременно с другими новшествами. Заимствовав это учение в момент его появления на Западе, Россия таким образом не отстала от Западной Европы, а шла в ногу с ней.

Естественно, первыми членами русских лож должны были стать иностранцы, окружавшие Петра; в тот момент, когда предание становится исторической действительностью, мы видим капитана Джона Филиппса первым гроссмейстером в России, назначенным в 1731 году Великой Лондонской ложей. Через десять лет его сменяет на этом высоком посту тоже англичанин, генерал русской службы Джеймс Кейт ¹¹²). Имя последнего упоминается во многих масонских песнях, исполнявшихся в столовых ложах ¹¹³), и прославлялось как имя основателя масонства в России.

В царствование Елизаветы Петровны масонство начинает проникать уже и в русские слои общества, и в единственном сохранившемся с того времени реестре гранметров и масонов мы видим имена Голицыных, Сумарокова, Дашкова, Воронцова и многих других. Из 35 названных в реестре лиц лишь 10 имен принадлежат иностранцам ¹¹⁴). А с того времени, когда масонство начало особенно сильно развиваться, то есть с 1774—1775 годов, членами лож стали лица всех сословий, званий и профессий, вплоть до купцов и ремесленников. Тогда же гроссмейстерство в России перешло от иностранцев к русскому: И. П. Елагин занял это почетное место.

* Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Н. Тихоновым. Т. IV. М., 1863, с. 51.

В XIX веке бывали случаи посвящения крепостных. Среди них, например, Николай, крепостной лакей П. И. Шварца, и Семен Жуков, слуга обрядоначальника (К. П. Скворцова) (?) ложи «Умиравший Сфинкс»¹¹⁵⁾. Последний при опросе сказал, что пришел искать света, увидав, как благотворно отразилась масонская работа на его господине. Оба они были братьями-служителями. Для иллюстрации соотношения различных классов и профессий в русских ложах приведу следующую таблицу.

Члены царствовавших домов	6
Придворные чины	34
Высшие государственные чиновники и почетные должностные лица	110
Чиновники	347
Дипломатические чиновники	36
Служащие по Министерству народного просвещения (директора и смотрители училищ, учителя)	76
Служащие по судебной части	32
Служащие по полицейской части	9
Магистрат Прибалтийского края	13
Военные (на действительной службе и в отставке)	1078
Помещики и дворяне	89
Предводители дворянства (губернские и уездные)	35
Торговое сословие	305
Священнослужители православного исповедания	24 *
Священники других исповеданий (преимущественно лютеране)	29
Ученые, педагоги, исследователи, профессора	103

* К этому числу должны быть прибавлены еще три священника, имена которых остались неизвестными: 1) настоятель церкви Вознесения в Москве (Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне. — Русский архив, 1875, с. 78); 2) священник, посвященный в ложе «Равенство» в 1775 году (Савва В. И. Из дневника масона. 1775—1776. — Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1908, смесь, с. 4); 3) священник церкви Рождества Христова в Столешниках, посвященный в той же ложе в марте 1776 года (там же, с. 11)¹¹⁶⁾.

Врачи	113
Писатели, поэты, переводчики	135
Композиторы и музыканты	40
Художники	51
Лица других свободных профессий	30
Актеры	29
Ремесленники	48
Крепостные	8
Учащиеся	4
Служащие различных частных предприятий	48
Лица невыясненных профессий	435
Итого	3267

Ссылаясь на цифры, необходимо оговориться: они мало показательны. Распределение по графам сделано было на основании тех биографических данных, часто случайных, которые оказались в печатной литературе. Так, например, почти все члены лож были дворянами и помещиками¹¹⁷⁾ так же точно, как и большинство из них имело военные чины. Я же отношу к рубрикам «помещики и дворяне» и «военные» только тех, о которых не сохранилось никаких других сведений. Соотношение приведенных цифр, несомненно, изменится после изучения архивных данных.

Точности при составлении такого рода списков достигнуть вообще чрезвычайно трудно. Главное затруднение возникает при занесении в список иностранцев. Как установить границу между человеком иностранного происхождения, но корнями вросшего в русскую жизнь, и тем, кто лишь живет на русской территории? В дополнение к этому не ясна еще и принадлежность и самих масонских группировок, и очень часто приходится останавливаться перед невозможностью уточнить, к какому Востоку — русскому или иностранному — принадлежало то или другое лицо¹¹⁸⁾. Вопрос особенно труден в отношении вольных каменщиков Польши и Прибалтийского края. Ложи, находившиеся там, делились на ложи русского и иностранного повиновения. Изучая их, приходи-

лось ограничиться регистрацией имен лишь тех вольных каменщиков, которые находились в повиновении русского Востока, не касаясь местных и иностранных повиновений. В царстве Польском, например, масонство было распространено очень широко и насчитывало в начале XIX века до 5000 членов*. К русскому масонству прямого отношения оно, конечно, иметь не могло. Однако весьма вероятно, что часть иностранцев, в данном случае поляков, оказалась все же занесена в Словарь. В ложах центральной России участие иностранцев довольно значительно. Масонов-иностранцев по приблизительному подсчету оказалось 1536, причем в это число не входят все лица, носившие иностранные фамилии, а лишь действительно иностранцы, заезжие или находившиеся на русской службе¹¹⁹⁾.

Большие затруднения испытаны также в решении вопроса о причастности к масонству отдельных лиц. Родовитое дворянство вливалось в масонство целыми семьями, причем в большинстве случаев в источниках не упоминаются ни имена, ни инициалы. Таким образом, во многих случаях нельзя определить, о ком же из членов той или иной семьи идет речь** и можно высказывать лишь догадки. Кроме того, у меня зарегистрировано около полутора десятков лиц, причастность которых к масонству не имеет никаких прямых доказательств, хотя ряд косвенных данных позволяет сделать такое предположение. Из осторожности они не внесены в список.

На этом приходится закончить разбор состава рус-

---

* Семевский В. И. Указ. соч. — Минувшие годы, 1908, № 2, с. 35.

** Соколовская Т. О. Капитул Феникса, с. 47; «...Как и в XVIII в., по преимуществу старое, родовитое барство влилось в союз шведских лож и встало у кормила правления — кн. Гагарины, Голицыны, Грузинские, Волконские, Долгорукие, Лобановы-Ростовские, Лопухины, Трубецкие, графы Апраксины, Виельгорские, Потоцкие, Разумовские, Строгановы, Толстые, Тышкевичи, Чернышевы, Шуваловы, и целыми семьями братья Бороздины, Головины, Ланские, Нарышкины, Римские-Корсаковы и мн. др.»

ских лож. Недостаток сведений мешает, например, определить возрастную их состав¹²⁰⁾.

Влияние, которым обладало масонство, кроме указанных выше причин, в значительной степени объясняется участием в Братстве таких выдающихся лиц, которые одним своим именем привлекали громадное число других. Одинаково — больших и малых — увлекал свободный путь исканий, не ограниченный обязательными догматами. Свободное от тех неблагоприятных условий — политической интриги и личной корысти, — в которых жило масонство на Западе, русское масонство выиграло в своей внутренней чистоте. Вольные каменщики различались лишь по степени увлечения масонством. Одних привлекала внешняя сторона, другие отдавали должное чистоте и высоте самого учения, третьи воспринимали его всей душой и отдавали ему все жизненные помыслы. Цифры нас показывают, что приблизительно четвертая часть всех членов были должностными лицами в ложах. Это число во всяком случае следует рассматривать как активную часть русских вольных каменщиков.

Скептически настроенные исследователи часто высказывают мнение, будто отдельные члены лож с сильной волей, пользуясь детской доверчивостью своих братьев, направляли их на ложные пути. Ряд нелестных отзывов адресован Шварцу. Он характеризуется ими как человек, не терпевший противоречий или сомнений, одаренный железной волей и мощной энергией, упорно стремившийся к достижению ему одному известной цели, ради чего употреблял без разбору все средства*. Но зато другие отзывы, и их большинство, рисуют Шварца человеком

---

* Барсков Я. Л. Переписка московских масонов..., с. LIII—LV.

большой чистоты, воодушевленным высокой идеей. Вся его недолгая жизнь (он умер 33 лет), была посвящена служению науке и обществу. На мой взгляд, ошибочно было искать какого-то злого гения, будь то Шварц или кто-нибудь другой, который руководил остальными вольными каменщиками. Среди них были люди мысли, для своего времени весьма образованные, и нет решительно никаких оснований предполагать, чтобы все они были обмануты тайными замыслами одного или нескольких лиц и служили их неведомым целям.

Обращает на себя внимание явление другого порядка: это участие в масонстве лиц, с обликом которых не вяжутся представления о духовных исканиях. Таковы, например, шеф жандармов Бенкендорф и министр полиции Балашов. И даже участие М. М. Сперанского, чьи интересы лежали совершенно в иной плоскости, в масонской работе кажется весьма странным. Таких непонятных, с моей точки зрения, вольных каменщиков можно отметить довольно много. Это была их дань молодости и общему увлечению. Пребывание в масонстве для них было тем же, что и участие в Союзах Спасения и Благоденствия печальной памяти М. Н. Муравьева, который за усмирение польского мятежа в 1863 году* получил одновременно с графским достоинством прозвище «Вешатель»¹²¹). При устройстве карьеры и ради личных житейских интересов молодое увлечение отодвигалось на второй план, и прежние братские отношения никак не помогали избежать столкновений во время придворного соперничества и политической борьбы.

Характерны в этом смысле взаимоотношения Сперанского и Балашова и еще больше дело декабристов,

* Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

ранского и Балашова и еще больше дело декабристов, в числе судей которых оказались тот же Сперанский и Боровков¹²²). Последний, впрочем, много способствовал смягчению участи осужденных во время производства следствия и даже отказался от звания члена Верховного Уголовного Суда под тем предлогом, что Европа отнесет его назначение к желанию императора «преследовать и настаивать к углублению наказания виновных»*. Он был, так же как и некоторые декабристы, членом ложи «Избранный Михаил».

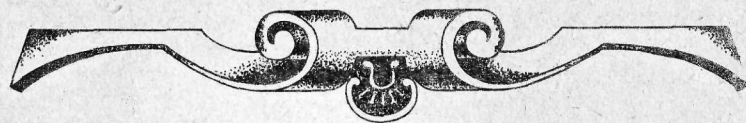
По психологической сложности один из самых интересных вольных каменщиков, конечно, О. А. Поздеев. Он был убежденным крепостником, вооружался против какого бы то ни было ограничения крепостного права, довел своих крестьян в 1796 году до волнений, декларировал свои взгляды в записке «Мысли противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы» и в то же время был одним из главнейших учителей-мистиков как в конце XVIII, так и в начале XIX столетия**.

Перечисление известных лиц — представителей различных направлений и руководителей масонства может занять много страниц. Но специальная литература уже уделили им достаточно внимания. В этом небольшом очерке я хотела обратить внимание на огромную массу русских вольных каменщиков, для которой масонство было настоящим светлым лучом, направлявшим их мысль на пути к достижению тайн бытия и развитию человеческого духа.

* Боровков А. Д. Автобиографические записки. — Русская старина, 1898, т. 96, с. 331, 351.

** Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. Т. 1. СПб., 1888, с. 363—364.

Исчерпывающие выводы невозможны без работы в русских архивах. Но и знакомство с опубликованными материалами позволяет сказать, что в истории русской культуры масонство не было только эпизодом, как это представлялось некоторым историкам, а играло роль очень важного духовного фактора. Принять такое положение — значит пожелать, чтобы отдельные работы по изучению русского масонства завершились, наконец, настоящим опытом его полной и беспристрастной истории.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Более полувека не мог советский читатель ознакомиться с этой книгой. Немногочисленные экземпляры ее, попавшие в нашу страну, или держали в спецхранах, или изымали «компетентные» органы (один такой экземпляр, с соответствующей отметкой, хранится в Библиотеке имени В. И. Ленина). Чем же объяснялось это? Тем, что официально масонство было объявлено несовместимым с коммунистической идеологией, и хотя это было сделано по предложению Л. Д. Троцкого, тем не менее пересмотру эта точка зрения не подвергалась. Лишь недавно в советской прессе появились работы, которые пытаются осмыслить вольное каменничество как историческое явление, как культурный феномен, а не как реакционную идеологию империалистов. Далеко не всегда эти работы удачны, но стремление к пересмотру догм уже налицо. До этого же ревнители национальной «чистоты», вроде Бегуна, обвиняли Т. А. Бакунину, как и ее мужа М. А. Осоргина, в пропаганде «империалистических воззрений». Лишь однажды в маленькой заметке Б. И. Краснобаева, опубликованной в журнале «История СССР» (1971, № 3), был сделан вывод, что Т. А. Бакунина подходит к рассмотрению русского масонства с «единственно правильной точки зрения», оценивая «его роль в истории общественной мысли и шире — в истории русской культуры». Однако мнение Б. И. Краснобаева, к сожалению, не доминировало, а работы Т. А. Бакуниной по-прежнему были недоступны читателю.

Теперь читатель может решить сам, беспристрастная ли это работа, как считали это историки, или идеологическая диверсия, как ее оценивали «политики». В настоящей книге объединены две небольшие работы Т. А. Бакуниной, вышедшие в Париже в 1935 и в 1934 годах:

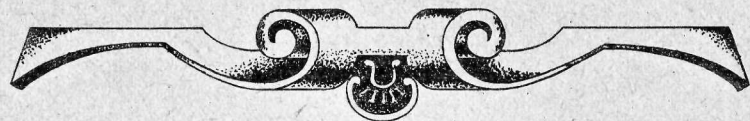

«Знаменитые русские масоны» и «Русские вольные каменщики». Они предваряли большой исторический труд Т. А. Бакуниной «Словарь русских масонов», первое издание которого вышло в 1940 году. Но весь, вернее почти весь, тираж этой книги был уничтожен во время войны и лишь в 1967 году вышло второе издание «Словаря». Не имея возможности работать с материалами отечественных архивов, Т. А. Бакунина тем не менее проделала огромную работу на основе опубликованных данных и смогла впервые показать состав русских масонских лож. Идея составления подобного словаря возникла и ранее, попытки ее реализации предпринимали Г. В. Вернадский, Я. Л. Барсков, Н. П. Киселев, но лишь Т. А. Бакунина смогла довести работу до конца.

Родилась Татьяна Алексеевна Бакунина в семье врачей: Алексея Ильича и Эмилии Николаевны Бакуниных*. Т. А. Бакунина училась в Московском университете, который был тогда центром научной мысли, слушала лекции Кизеветтера, Бахрушина, Яковлева, Богославского, но главным своим учителем она считает В. И. Пичету, известного специалиста по истории России периода феодализма. После окончания университетского курса А. А. Кизеветтер посоветовал Т. А. Бакуниной взяться за разбор архива Куракиных в Историческом музее, что стало основой будущей диссертации. А. А. Кизеветтер был автором емкой статьи о московских масонах, поэтому неудивительно, что его ученица стала заниматься историей русского вольного каменщичества. В 1926 году семья Бакуниных вынуждена была оставить Москву и уехать за границу. 20 декабря 1929 года Т. А. Бакунина получила докторский диплом университета в Париже за работу «Саратовская вотчина князей Куракиных». Серьезное исследование, посвященное Куракиным, не могло не привести к изучению истории масонства в России. Т. А. Бакунина серьезно занялась этой тематикой и с некоторыми результатами этой большой работы читатель может ознакомиться в этой книге.

Много сил Т. А. Бакунина отдала знаменитой Тургеневской библиотеке. В сентябре 1940 года библиотека была вывезена из Парижа оккупационными властями, дальнейшая ее судьба неизвестна, хотя книги со штампом Тургеневской библиотеки встречаются в Москве, в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Татьяна Алексеевна была одной из тех, кто возрождал Тургеневскую библиотеку. Исследователям также хорошо известны библиографические работы Т. А. Бакуниной-Осоргиной, посвященные преимущественно литературе русского зарубежья. Но, впрочем, это уже тема отдельного разговора.

* См. о них подробнее: Бакунины. — Новое русское слово, № 17289 от 10 июля 1960 года.

КОММЕНТАРИИ

¹⁾ *Пыпин Александр Николаевич* (1833—1904) — известный этнограф, литературовед и историк, племянник Н. Г. Чернышевского. С конца 1860-х годов он активно занимался историей российского масонства. Результатом работы стали статьи, опубликованные преимущественно в журнале «Вестник Европы», активным сотрудником которого он был с 1886 года. Впоследствии А. Н. Пыпин решил на основе своих статей написать книгу, но не успел завершить ее. Работу окончил Г. В. Вернадский, один из учеников А. Н. Пыпина. В 1916 году он составил из статей А. Н. Пыпина книгу «Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века», сопроводив ее подробными комментариями. А. Н. Пыпин негативно оценивал масонское мистическое учение, не всегда учитывая, что за мистицизмом стояло стремление улучшить жизнь всего человечества. Увлечение автора «внешней» жизнью масонства без анализа «внутренней», духовной жизни Братства Вольных Каменщиков привело к тому, что в книге А. Н. Пыпина не была правильно освещена культурная роль масонства.

²⁾ *Сумароков Александр Петрович* (1718—1777), известный писатель. Был членом масонской ложи в 1756 году.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), баснописец, мемуарист. Прямого подтверждения о масонстве И. И. Дмитриева не существует, однако известно о его близости к Н. И. Новикову, который первым начал печатать произведения И. И. Дмитриева в своем журнале. Затем Дмитриев близок Н. М. Карамзину и Г. Р. Державину.

«Арзамас» — литературный кружок в Петербурге, существовавший в 1815—1818 годах. В него входили члены масонских лож Ф. Ф. Вигель, Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, В. Л. Пушкин и другие.

Уткин Николай Иванович (1780—1863) — внебрачный сын Н. Н. Муравьева, сводный брат декабриста Н. М. Муравьева. Член петербургских лож «Орфей» и «Елизавета к добродетели».

Дмитревский Иван Афанасьевич (1736—1821) — первый придворный актер, ученик Ф. Г. Волкова. Розенкрейцер, член лож «Музы», «Урания», «Три христианские добродетели» в Петербурге в XVIII веке.

Волков Федор Григорьевич (1729—1763). Документальных свидетельств об его членстве в масонских ложах нет.

По подсчетам автора комментариев, 121 декабрист состоял в масонских ложах.

³⁾ Передача масонского учения из поколения в поколение была характерна для России. Были примеры, когда 6 поколений поддерживало масонскую традицию. Однако такой традиции не существовало в семьях Римских-Корсаковых и Орловых.

⁴⁾ *Жуковский Василий Андреевич* (1783—1852) сблизился с масонами новиковского кружка во время учения в Москве. В протоколах ложи «Дубовая долина к верности» в Петербурге некий Жуковский числился как посетитель, не принадлежащий к двум масонским союзам. Та же фамилия без имени встречается в документах масонов, датированных началом XIX века. Судя по контексту, речь идет именно о русском писателе. Причина выбора этой ложи для посещения, вероятно, заключалась в том, что одним из ее лидеров был Г. И. Вилламов, которого В. А. Жуковский хорошо знал по службе при дворе. Отметка о непринадлежности к двум союзам говорит о том, что он не был посвящен в Орден Вольных Каменщиков ни в одной из полулегальных лож в России. Таким образом, Жуковский был принят в масонство или за рубежом, или в одной из тайных лож начала XIX века.

⁵⁾ *Болховитинов Евфимий Алексеевич*, в монашестве Евгений (1767—1837), начал свою литературную деятельность под влиянием членов кружка Н. И. Новикова, его переводы Фенелона пользовались успехом в этом обществе. Однако прямых свидетельств о масонстве Болховитинова до сих пор не найдено.

⁶⁾ *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844) был членом петербургской масонской ложи «Соединенные друзья» в 1810 году. Одновременно там же состоял и будущий декабрист П. П. Лопухин. Впоследствии доносчик А. Б. Голицын, ссылаясь на принадлежность Бенкендорфа к масонскому ордену, обвинял его в отсутствии беспристрастности при расследовании политических дел. Об этом доносе см.: Горд и Я. А. Донос на всю Россию, или Миф о масонском заговоре. — «Звезда», 1990, № 5, 6.

⁷⁾ *Магницкий Михаил Леонтьевич* (1778—1855) известен как гонитель прогресса в области просвещения. В начале своей карьеры был сотрудником М. М. Сперанского. Магницкий был членом тайной ложи «Полярная звезда», а в период гонений на французских масонов-иллюминатов в 1812 году был объявлен заговорщиком и выслан одновременно с М. М. Сперанским из Петербурга. Впоследствии Магницкий стал одним из главных борцов против масонства. Будучи губернатором, он пытался помешать открытию ложи «Ключ к добродетели» в Симбирске, а затем постоянно доносил о мнимых иллюминатах в России. Такой переход от «иллюминатства» к «охранительству» — случай исключительный в русском масонстве. Если для упоминавшегося А. Х. Бенкендорфа жандармские функции были исполнением долга перед государем и Отечеством, то М. Л. Магницкий пошел на прямое предательство. Обвиняя в грехах других, он стремился заставить власти

забыть о его собственных «проступках». Поведение тем более непростительное, так как Магницкий был масоном уже во втором поколении, а воспитание «луфтонов» (сыновей масонов) было построено так, чтобы привить молодому поколению высокую орденскую нравственность.

⁸⁾ В феврале 1768 года представители польской шляхты собрались в небольшом городе Баре, объявили короля Станислава низложенным, а себя — руководителями «Барской конфедерации». Россия начала одновременно войну против конфедератов и Турции, которая вмешалась в конфликт. В 1769 году Суворов прославился не только победой под деревней Орехово, но также человеколюбием. Он отпускал конфедератов под честное слово, что они не будут более участвовать в войне, пленных приказывал кормить сверх «надлежащей порции» и т. д.

⁹⁾ Семилетняя война (1756—1763) велась между Австрией, Россией, Францией, Испанией, Саксонией и Швецией с одной стороны и Пруссией, Португалией, Ганновером и Великобританией — с другой.

¹⁰⁾ Речь, по-видимому, идет о работе А. Петрушевского, указанной в библиографии в конце очерка.

¹¹⁾ Рейхелевская система была названа так по имени ее руководителя в России барона П. Б. Рейхеля. В ней, как и в первых масонских организациях, вольные каменщики отказывались от «высших» степеней и настаивали на строгой внутренней моральной дисциплине.

Тайная ложа «Гармония» была основана членами лож «Уrania» и «Астрея» и объединяла руководителей московского кружка масонов: С. И. Гамалею, А. М. Кутузова, Н. И. Новикова, П. А. Татищева, И. П. Тургенева, И. Г. Шварца и других.

В 1782 году на масонском конвенте в Вильгельмсбаде Россия была признана VIII. независимой Провинцией масонского ордена. На этом конвенте французские масоны добились признания масонского ордена более древним, чем орден тамплиеров (храмовников). Представители шведского масонства, которые настаивали на преемственности масонства и ордена темплиеров, отказались признавать решения Вильгельмсбадского конвента. С этого времени храмовничество было заменено системой «Благотворные Рыцари Святого Града». Генеральным мастером этой системы был избран герцог Брауншвейгский. Капитул VIII Провинции управлял текущими делами масонов этой системы в России. Масонство стало разделяться на два ордена: внешний (низший) и внутренний (высший). Последний носил также название Ордена Злато-Розового Креста.

Ритор — один из должностных постов в ложе. Ритор обычно составлял и читал на заседаниях речи, преимущественно нравственно-поучительного содержания.

Провинциальная ложа — одна из руководящих организаций московских масонов. Ее великим мастером был князь Юрий Владимирович Долгорукий. М. М. Херасков был ритором этой ложи уже с 1784 года.

¹²⁾ Литература, в которой разъясняются масонская символика, различные системы, звания, организация лож и т. п., труднодоступна для читателя. Поэтому основные понятия кратко раскрываются в послесловии и комментариях. Этой теме будет посвящена отдельная книга, которая выйдет в серии.

¹³) Новиков арендовал типографию Московского университета сроком на десять лет 1 мая 1779 года. В 1788 году по приказу Екатерины II аренда не была продлена.

¹⁴) *Шварц Иван Григорьевич* (1751—1784) стал экстраординарным профессором Московского университета «для обучения немецкому языку» 21 августа 1779 года, а уже с февраля 1780 года стал публичным ординарным профессором философии. И. Г. Шварц был одним из самых значительных фигур в российском масонстве конца XVIII века, главным идеологом московского кружка розенкрейцеров.

¹⁵) Педагогическая семинария с ноября 1779 года также находилась под управлением И. Г. Шварца. Воспитанники Педагогической семинарии активно привлекались к работам масонских лож.

¹⁶) Собрание Университетских питомцев было организовано М. И. Антоновским (1759—1816) для «упражнений... в сочинениях и переводах». Антоновский был его президентом. В Собрание также входили А. Ф. Лабзин, А. А. Прокопович-Антонский, П. А. Сохакский и другие. Это общество полностью находилось под влиянием масонов, и многие из его членов входили в ложи вольных каменщиков. Участники Собрания Университетских питомцев активно сотрудничали в журналах масонов, в первую очередь в «Вечерней заре».

¹⁷) Дружеское Ученое Общество — благотворительное и просветительное общество, существовавшее в Москве в 1779—1784 годах. Оно было основано Н. И. Новиковым и членами его кружка для помощи отцам в воспитании детей. Дружеское Ученое Общество занималось изданием полезных книг преимущественно религиозно-нравственного содержания.

¹⁸) *Богданович Ипполит Федорович* (1743—1803) — известный писатель. В 1757 году подал прошение М. М. Хераскову с просьбой зачислить его в театр при Московском университете. Херасков же записал его в Университетскую гимназию и предложил жить в своем доме. В продолжение всей своей жизни Богданович пользовался поддержкой М. М. Хераскова, был членом ложи «Музы».

Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745—1792) — русский писатель, создатель жанра русской комедии. Учился в университете одновременно с И. Ф. Богдановичем.

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт и переводчик, впоследствии профессор Московского университета на кафедре красноречия и поэзии. Был принят в масонскую ложу И. Панаевым.

¹⁹) *Мелиссино Иван Иванович* (1718—1795) — с 1757 года директор, а с 1771-го — куратор Московского университета. Мелиссино был инициатором создания «Вольного российского собрания при Московском университете». Член масонской ложи «Молчаливость» («Скромность»).

²⁰) *Строганов Александр Сергеевич*, граф (1733—1811) — президент Академии художеств, один из видных масонов своего времени, член многих масонских лож в России и Франции. В период Великой

французской революции был членом знаменитой ложи «Девять сестер» и чиновником высшего масонского правления во Франции — Великого Востока.

Храповицкий Александр Васильевич (1749—1801) — писатель, секретарь Екатерины II, сенатор. Хотя он и отрицал свою принадлежность к масонским ложам, однако документально установлено его участие в деятельности четырех лож в XVIII веке.

Мельгунов Алексей Петрович (1722—1788) — сенатор, президент камер-коллегии, генерал-губернатор Новороссийской губернии, а затем ярославский и вологодский генерал-губернатор. Основатель и руководитель с 1799 года масонской ложи в Ярославле. Благодаря его активной помощи в этом городе были открыты народное училище и сиротский дом.

Ржевский Алексей Андреевич (1737—1804) — камергер, президент Медицинской коллегии, вице-президент петербургской Академии наук, сенатор. Розенкрейцер, с 1783 года префект масонского Капитула в Петербурге, член нескольких масонских лож.

Перфильев Степан Васильевич (1734—1793) — флигель-адъютант Петра III, затем генерал-майор. Масон еще в 1756 году. Член масонских лож, которыми управлял И. П. Елагин. Был вице-префектом Префектуры Великой английской ложи и великим Провинциальным казначеем в России.

²¹) *Елагин Иван Перфильевич* (1725—1793) — обер-гофмейстер, действительный тайный советник. В 1750 году открыл первую масонскую ложу, которая работала по английской системе. Посвящен он был во французской рыцарской ложе. Так называемая елагинская, или английская, масонская система была далека как от политики, так и от углубленных нравственных работ. Для лож Елагина характерно также критическое отношение к французской деистической философии. В 1776 году ложи Елагина объединились с Рейхелевской системой. Из лож, которыми управлял И. П. Елагин, выделяется ложа «Муз» в Петербурге, членом ее и стал Репнин.

²²) Известно также, что Репнин был основателем военной масонской ложи в Кинбурне около 1779 года, работавшей по шведской системе. Секта Тадеуша Лещица-Грабянки «Новый Израиль» может быть отнесена к масонским обществам начиная с XIX века, и только потому, что в это время в нее вошла значительная часть петербургских масонов. Однако они одновременно выходили из лож вольных каменщиков. Таким образом, считать общество Грабянки масонским можно лишь с большой натяжкой. Видения, прорицания, магнетические сеансы, которыми увлекались члены «Нового Израиля» не позволяют относиться к этому обществу серьезно.

Теоретический градус сами масоны называли «преддверием» внутреннего ордена, иными словами, это переходная ступень от внешнего масонства к масонству высших тайных розенкрейцеровских степеней.

Капитул Феникса был образован как Великая Национальная ложа (шведская система) в 1779 году (по некоторым данным — в 1768 году), являлся тайным и высшим масонским органом правления в России.

Масонская деятельность Репнина требует специального дополнительного изучения, так как сведения о ней крайне противоречивы.

Например, Репнин почти одновременно числится масоном и шведских, и розенкрейцеровских лож, хотя это и не допускалось правилами. Существует гипотеза о принадлежности Репнина и к ордену иллиуминатов Адама Вейсгаупта.

²³⁾ *Сен-Мартен Луи Клод* (1743—1803), произведения которого высоко ценились масонами в России, был одним из самых оригинальных французских философов-мистиков.

²⁴⁾ Словарь Евгения Болховитинова был издан М. П. Погодиным в двух частях в 1845 году.

²⁵⁾ *Дубянский Яков Федорович*, майор (ок. 1745—1807), 10 июня 1776 года он стал членом-основателем ложи «Немезиды».

²⁶⁾ Здесь идет речь об И. В. Лопухине и его брате, бригадире П. В. Лопухине (1752—1805); отставном полковнике А. Ф. Ладыженском (1769—1848) и его братьях, полковнике И. Ф. Ладыженском (умер в 1811) и бригадире П. Ф. Ладыженском; полковнике Н. Н. Трубецком (1744—1821) и действительном тайном советнике Ю. Н. Трубецком (1736—1811). Они внесли средства на образование Типографической компании.

Татищев Петр Алексеевич (1730—1810) — бригадир. Один из руководителей московских розенкрейцеров, масон с 1767 года.

Походяшин Григорий Максимович (ок. 1760—1820) — отставной премьер-майор. Длительное время один из ближайших помощников Н. И. Новикова. В начале XIX века был последним руководителем масонов в Москве. О следствии над Г. М. Походяшиным подробнее см. Новиков Н. И. Избранные сочинения. М. — Л., 1951.

²⁷⁾ Причин преследования Новикова было несколько, и Т. А. Бакунина справедливо указывает на одну из них. Но из следственных дел на московских масонов и документов видно, что связь наследника престола с масонами также играла не последнюю роль.

²⁸⁾ Масоны были одними из первых, кто был освобожден при восшествии на престол Павла. За Н. И. Новиковым из заключения вышли М. И. Багрянский, Н. Н. Трубецкой, И. П. Тургенев, И. В. Лопухин и другие.

²⁹⁾ Новиков пытался после освобождения вновь взять в аренду университетскую типографию, но ему в этом было отказано.

³⁰⁾ *Бебер Иван Васильевич*, или *Иоганн Якоб* (1746—1820) — директор второго Кадетского корпуса. Был руководителем шведских лож в России в начале XIX столетия.

³¹⁾ В качестве примера можно назвать имена М. А. Дмитриева-Мамонова и А. А. Жеребцова.

³²⁾ *Муссар Пьер (Мюссард)* (ок. 1774 — ?) — одна из интереснейших личностей в русском масонстве. Автор поэмы, воспевающей французскую революцию, он был близко знаком как с декабристами, так

и с известными писателями в России. Например, он был оратором в ложе «Благо», членом которой был А. С. Грибоедов.

³³⁾ *Фабий Максим* — римский полководец, прославившийся в войне с Ганнибалом.

³⁴⁾ *Панин Никита Иванович* (1718—1783) был первоприсутствующим в коллегии иностранных дел, сенатором. В масонстве занимал пост великого наместного мастера Великой английской ложи в России. Огромному его влиянию на русских вольных каменщиков во многом способствовали многочисленные родственные связи Панина с видными российскими масонами.

³⁵⁾ *Газарин Гавриил Петрович* (1745—1808) — двоюродный племянник Н. И. Панина, впоследствии фактический руководитель братьев шведской системы в России.

Национальный капитал был создан в 1778 году.

³⁶⁾ *Бибиков Павел Александрович* (?—1784) вероятней всего был масоном, однако прямых документальных доказательств этому нет.

³⁷⁾ *Плещев Сергей Иванович* (1752—1802) — генерал-адъютант, член теоретического градуса, посвященный в масонский орден в Ливорно, сыграл большую роль в возвращении масонов на государственную службу. Позднее стал последователем Грабянки.

³⁸⁾ В сохранившихся протоколах ложи «Малый свет» в Риге имя Павла ни как члена, ни как посетителя не упоминается.

³⁹⁾ *Карнеев Захар Яковлевич* (1748—1828) — орловский вице-губернатор, руководитель местной ложи, был назначен в 1797 году губернатором Минской губернии и награжден чином действительного статского советника.

Ленивцев Александр Алексеевич (?—1818) — ближайший друг С. И. Плещеева, был назначен на службу при статс-секретаре И. В. Лопухине. Ленивцев был членом теоретического градуса, членом розенкрейцеровской ложи, одним из самых влиятельных петербургских масонов. Впоследствии примкнул к обществу Грабянки.

⁴⁰⁾ *Невзоров Максим Иванович* (1763—1827) — член лож «Гермес» и «Блистающая звезда», был определен в службу чиновником 8-го класса по рекомендации И. В. Лопухина.

⁴¹⁾ *Тургенев Иван Петрович* (1752—1807) был возвращен из деревни, возведен в чин статского советника. Директор Московского университета с 1796 года. Тургенев был одним из немногих розенкрейцеров в России.

⁴²⁾ *Маттеи Христиан-Фридрих* (1744—1811) — профессор греческой и латинской словесности Московского университета.

⁴³⁾ После восшествия Павла I на престол масоны пытались продолжать сложную игру по привлечению императора к масонской деятельности и даже составляли записки о создании нового ордена, не-

зависимого от масонского, но полностью копирующего его структуру. Однако Павел I, всегда стремившийся к свободе собственных действий и решений, не принял этот проект.

⁴⁴⁾ И. В. Лопухин координировал деятельность масонского ордена и в первую очередь теоретического градуса в России. О его значимости и влиянии говорит тот факт, что к нему поступали все масонские бумаги. О некоторых ответвлениях теоретического градуса, которые контролировал И. В. Лопухин, не знал даже Н. И. Новиков.

⁴⁵⁾ Брюс Яков Александрович, граф (1732—1791), сменивший на посту генерал-губернатора Москвы умершего З. Г. Чернышева. Еще в 1760-е годы был членом английских масонских лож («Совершенный союз» и Капитула в Петербурге).

⁴⁶⁾ По воцарении Павла I И. В. Лопухин был не только освобожден от заключения в деревне, но ему были тогда же открыты все дела тайной канцелярии.

⁴⁷⁾ Духоборцы или духоборы, — секта духовных христиан, которая возникла во второй половине XVIII столетия. Они отвергали обряды и таинства православной церкви, священников, монашество, отказывались от прохождения военной службы. После длительного преследования властями духоборцы переселились в конце XIX века в Канаду.

⁴⁸⁾ Ложа «Златой венец» была основана в Симбирске 3 декабря 1784 года. Членами ее были С. В. Аржевитинов, А. Ф. Голубцов, А. П. Соковнин, И. П. Тургенев и другие. Подмастерье — вторая масонская степень.

⁴⁹⁾ В Дружеском Литературном Обществе наиболее активно участвовали старшие сыновья И. П. Тургенева: Александр (1784—1845) и Андрей (1781—1803).

⁵⁰⁾ Петров Александр Андреевич (начало 1760-х—1793) — переводчик, сотрудник новиковского журнала «Утренний свет», член внутреннего розенкрейцерского ордена московских масонов.

⁵¹⁾ Н. И. Новиков «партикулярно», то есть вне лож, посвящал своих сторонников в высшие масонские степени.

⁵²⁾ Муравьев Михаил Никитич (1757—1807), вероятно, был масоном, хотя документальных свидетельств об этом нет.

⁵³⁾ Отношения М. М. Сперанского и И. В. Лопухина не прекращались вплоть до 1810 года.

⁵⁴⁾ Фесслер Игнатий Аврелий (1756—1839) сыграл большую роль в развитии не только немецкого, но и русского масонства. Он был одним из немногих вольных каменщиков, которые продолжали свою активную деятельность в тайных ложах после запрета масонства в 1822 году.

Гауенишльд Федор Матвеевич, или Фридрих Леопольд Август (1780—1830) — профессор немецкой словесности в Царскосельском лицее, сотрудник М. М. Сперанского.

Лодий Петр Дмитриевич (1764—1829) — ординарный профессор Петербургского университета.

Озеров-Дерябин Петр Иванович (1778—1843) — в будущем член Государственного совета и сенатор, также активный член «Нового Израиля».

Ренненкамф, фон — гофмаршал герцога Ольденбургского. Члены ложи «Полярная звезда» стремились привлечь его к работам своей мастерской.

Розенкамф Густав Андреевич, барон (1764—1831) — сотрудник М. М. Сперанского в Комиссии по составлению законов.

⁵⁵⁾ Давая подписку, масоны часто говорили заведомую неправду, преуменьшая свою роль в масонстве. М. М. Сперанский, говоря о принятии в ложу «с ведома правительства», вероятно, имел в виду проект правительства рассмотреть акты различных масонских систем с целью преобразовать масонство.

⁵⁶⁾ Вероятно, под влиянием этой идеи была образована ложа в Троице-Сергиевской лавре.

⁵⁷⁾ В следственном деле Т. Лещица-Грабянки и его общества М. М. Сперанский не упоминался, однако это не опровергает заявления М. Л. Магницкого.

⁵⁸⁾ Проживая в Перми и Нижнем Новгороде, М. М. Сперанский продолжал поддерживать контакты с членами ложи «Полярная звезда».

⁵⁹⁾ И. В. Бебер в это время был великим префектом Капитула Феникса и великим мастером Великой Провинциальной ложи, т. е. руководил шведской системой в России. Однако следует отметить, что работа этих масонских организаций не была, даже с точки зрения тайного масонства, должным образом освещена.

⁶⁰⁾ По существующим версиям, Александр I был принят в масонский орден в 1808 году в Эрфурте, в 1812 году в Петербурге или в 1813 году в Париже одновременно с Фридрихом Вильгельмом III.

⁶¹⁾ Посещение Александром I ложи «Три добродетели» вызывает сомнения, так как в протоколах ложи нет даже намека на присутствие императора.

⁶²⁾ Ложа «К верности» носила также название «Северные друзья» и работала при лейб-гвардии конном полку. Эта версия о посвящении в орден вольных каменщиков Александра I наиболее вероятна, так как в ней же состоял членом великий князь Константин Павлович.

⁶³⁾ Чарторыйжский Адам, князь (1770—1861) был масоном еще в XVIII столетии, однако ложи в Петербурге он не посещал.

⁶⁴⁾ *Кочубей Виктор Павлович*, граф (1768—1834) стал масоном еще в 1786 году в военной походной ложе «Минерва».

Новосильцев Николай Николаевич, граф (1761—1836) — незаконнорожденный сын сестры А. С. Строганова, так же как и Балашов, был членом ложи «Соединенные друзья».

⁶⁵⁾ *Балашов Александр Дмитриевич* (1770—1837) — член двух лож в Петербурге: «Соединенные друзья» и «Палестина», однако редко посещал их.

Голицын Александр Николаевич, князь (1773—1844) хотя официально и не состоял в ложах, однако его принадлежность к масонам не вызывает сомнений. Большое влияние на Голицына длительное время оказывал лидер консервативно настроенных вольных каменщиков О. А. Поздеев.

⁶⁶⁾ Причин запрещения масонства в России было несколько, однако главной была опасность революционного движения. Революции в южной Европе возглавлялись масонами, или карбонариями, или геристами — членами организаций, сходных по своей структуре с вольным каменничеством.

⁶⁷⁾ Теме «Грибоедов и декабристы» посвящено несколько исследований. В последнее время большинство историков склоняется к точке зрения, что А. С. Грибоедов был членом тайного общества. А. С. Грибоедов был посвящен в масонский орден в ложе «Соединенные друзья» 5 июля 1815 года. Если Грибоедов в 1816 году был ее членом в первой степени, то П. Я. Чаадаев числился уже братом пятой степени. П. И. Пестель, посвященный в этой ложе в 1812 году, оставался ее членом до 1817 года.

⁶⁸⁾ Ложа «Благо», существовавшая тайно, дважды пыталась добиться своего официального открытия. 30 января 1816 года она подала прошение об открытии в Великую Провинциальную ложу, а в 1817 году, 13 января, — в Директоральную ложу «Астрея» с просьбой разрешить ее работы как малой шотландской ложе. Однако и в том, и в другом случае разрешения не было получено. А. С. Грибоедов числился во втором случае лишь «просителем». Кто же единомышленники-масоны А. С. Грибоедова? Перечислим имена «братьев»: Игнатий Станиславович Ворцель, друг А. И. Герцена; граф Людвиг Карлович де-Линьи-Люксембург и его брат Карл; Дмитрий Иванович Телпнев; уже упоминавшийся Пьер Муссар; родственники декабристов братья Алексей, Иван и Сергей Горяиновы, барон фон Меню Франсуа, который, впрочем, был вскоре исключен из ложи; Н. Галов; Петр Греч; Александр и Николай Аничковы; Фредерик Гильом Шидлефельд; Алексей Вяткин; Николай Докторов; брат декабриста и впоследствии руководитель тайной ложи в Нижнем Новгороде Борис Иванович Белавин; Сергей Андреевич Салов; Петр Иванович Мельгунов; Александр Корсаков, Илья де Боттен и Александр Плеутт.

⁶⁹⁾ Дуэль В. В. Шереметева с А. П. Завадским из-за танцовщицы Истоминой состоялась 12 ноября 1817 года. А. С. Грибоедов, который был секундантом Завадского, тяжело переживал гибель кавалергарда Шереметева. Исследователи творчества и жизни А. С. Грибое-

дова считают, что покинуть Петербург и отправиться на Восток его заставило участие в дуэли.

⁷⁰⁾ Посвящение в масонство А. С. Пушкина имеет длинную историю. Еще в сентябре 1818 года А. С. Пушкин вместе с Аполлоном Никифоровичем Маринным едва не стал членом ложи «Три добродетели». Членом этой же ложи был и П. И. Пестель. Именно он открыл работы ложи «Овидий» в Кишиневе, поэтому можно предположить, что А. С. Пушкин вступил в нее не без участия П. И. Пестеля.

⁷¹⁾ *Пуцин Павел Сергеевич* (1789—1865), командир бригады в дивизии, которой командовал декабрист М. Ф. Орлов, был членом-основателем и мастером стула ложи «Овидий».

⁷²⁾ Исследования Н. Я. Эйдельмана, Л. Н. Оганян и других историков показали, что кроме Сергея Алексеевича Тучкова (1767—1839) в ложе «Овидий» состояли Николай Степанович Алексеев, Яков Иванович Бароцци, Михаил Георгиевич Суццо, Владимир Федосеевич Раевский, Август Шарль де Лагард де Мезанс де Шамбоно, Федор Михайлович Шуллер.

⁷³⁾ П. С. Пуцин, упоминавшийся С. П. Трубецким и другими декабристами на следствии, проходил по делу о восстании 14 декабря 1825 года, но не в связи с закрытием ложи «Овидий».

⁷⁴⁾ *Инзов Иван Никитич* (1768—1845) в XIX веке посещал и даже был ритором русских собраний масонской ложи «Евксинский понт» в Одессе, которая была также связана с декабристами.

⁷⁵⁾ *Горбачевский Иван Иванович* (1800—1869) — член Общества соединенных славян, мемуарист.

⁷⁶⁾ *Волконский Сергей Григорьевич* (1788—1865) — декабрист, автор мемуаров, член ряда масонских лож в Петербурге, Киеве, Одессе.

⁷⁷⁾ *Якушкин Иван Дмитриевич* (1793—1857) — один из основателей декабристских обществ, мемуарист.

⁷⁸⁾ Отец поэта был посвящен в масонской ложе «Северный щит» в Варшаве в июле 1814 года. Членом ложи «Северные друзья» он никогда не был, но зато посещал или был членом в ложах «Три добродетели», «Три светила», «Елизавета к добродетели». Василий Львович Пушкин помимо перечисленных лож посещал также заседания масонских мастерских «Александр к тройственному спасению» в Москве и Капитул Феникса в Петербурге.

⁷⁹⁾ Масонство после официального запрета в 1822 году продолжало свое существование, хотя и превратилось в замкнутый институт.

⁸⁰⁾ Версия о принадлежности к масонству Петра I вряд ли имеет под собой реальную почву.

⁸¹⁾ *Михайловский-Данилевский Александр Иванович* (1789—1848) —

флигель-адъютант, а впоследствии генерал-лейтенант, достиг высокой тридцать второй степени масонства. Посещал ложи в Париже, Варшаве, Петербурге.

⁸²⁾ Система Елагина объединяла сторонников ограничения масонства низшими степенями.

⁸³⁾ Преимущество Директоральной ложи «Астрея» не было длительным, и уже с начала 1820 года две противоборствующие Великие ложи начали вести переговоры об объединении.

⁸⁴⁾ Н. Трубецкой, Новиков и Шварц были лишь посвящены в ложах различных систем, а затем они объединились в Ордене Золотого Розового Креста.

⁸⁵⁾ Основой кружка Лабзина Александра Федоровича (1766—1825), вице-президента Академии художеств, была масонская ложа «Умиравший сфинкс», которой он руководил.

⁸⁶⁾ Поздеев Иосиф Алексеевич (1746—1820) — бывший начальник канцелярии З. Г. Чернышева, играл далеко не однозначную роль в русском масонстве. По существу он руководил в начале XIX века Орденом Вольных Каменщиков.

⁸⁷⁾ В ложах состояли сын Шварца — Павел, сыновья Тургенева — Николай, Сергей и, вероятно, Александр, Поздеева — Алексей, Николай и Иван.

⁸⁶⁾ Противников масонства среди декабристов было немного. При этом борьбу некоторых декабристов-масонов, например С. П. Трубецкого, против жесткой централизации, свойственной вольному каменничеству, и обрядности не следует оценивать как борьбу против масонства. После отхода от «заговорщической» тактики «Союза спасения» С. П. Трубецкой оставался членом масонских лож.

⁸⁹⁾ *Муравьев Александр Николаевич* (1792—1863) был членом и посетителем шести масонских лож. Особенно важна была деятельность А. Н. Муравьева в ложе «Три добродетели».

Новиков Михаил Николаевич (1777—1824) — автор первой республиканской конституции России, привлеченный к деятельности тайных обществ П. И. Пестеля. Члены его ложи «Любовь к истине» действительно входили в «Союз благоденствия».

⁹⁰⁾ Судя по этому высказыванию А. И. Михайловского-Данилевского, можно заключить, что к политике тяготели иностранные масонские ложи, а их членами были некоторые из будущих декабристов, например А. Ф. Бриген, Н. И. Тургенев.

⁹¹⁾ Такой ложей была, например, киевская ложа «Соединенные славяне».

⁹²⁾ Консервативные настроения доминировали в руководстве масонских союзов.

⁹³⁾ Одной из главных причин, по которой декабристы прекращали свои масонские работы, была именно консервативность масонских руководителей.

⁹⁴⁾ Если в обеих столицах России остро ощущалось нежелание масонов заниматься политикой, то в провинции оно не было столь сильно выражено, поэтому декабристы продолжали посещать ложи вне Петербурга и Москвы.

⁹⁵⁾ Речь идет о письме Александра Михайловича Кутузова, ближайшего друга А. Н. Радищева.

⁹⁶⁾ Однако не следует забывать, что членами Капитула Феникса были не только православные вольные каменщики. Его руководитель И. В. Бебер был лютеранином.

⁹⁷⁾ Не следует отождествлять критическое отношение масонов к духовенству с их отношением к религии. Первое было характерно почти для всех русских вольных каменщиков, а не только для М. И. Невзорова.

⁹⁸⁾ Однако вскоре «начальство» ордена, в данном случае Н. И. Новиков, запретило прием новых священников в ложи.

⁹⁹⁾ Помимо Фогеля известно также о приеме в XVIII веке трех евреев в ложу «Урания».

¹⁰⁰⁾ Псевдоним А. И. Герцена.

¹⁰¹⁾ В русских ложах все-таки были случаи похищения казны, буйства пьяных и т. д., но их число не превышало за всю историю русского масонства одного десятка. «Отличившиеся» братья решительно изгонялись из лож.

¹⁰²⁾ Влияние Калиостро, причем недолговременное, было ощутимо лишь в некоторых прибалтийских ложах.

¹⁰³⁾ *Шредер Генрих Яковлевич* (1757—1797), недолговременно состоявший в русской службе, занимал высокий пост надзирателя в Директории теоретической степени по настоянию иностранного руководства ордена.

Вильгельм и Георг Розенберги, активно внедрявшие шведскую систему в России, были исключены из числа российских вольных каменщиков.

¹⁰⁴⁾ *Кушелев Егор Андреевич* (1763—1826) — сенатор, был масоном с начала 1780-х годов и долгое время занимал важные посты в ложах «Елизавета к добродетели» и «Умиравший сфинкс». Кушелев был женат на дочери И. В. Бебера, что во многом предопределило его назначение на должность руководителя Директоральной ложи «Астрея». Кушелев, сторонник жесткой регламентации масонских работ, не мог смириться с вольностями в ложах, что и стало одной из причин его обращения к императору.

¹⁰⁵⁾ Фотий пытался доказать императору, что масонство противоречит православной вере. Хотя своим возвышением он был во многом обязан А. Н. Голицыну, однако в 1822 году решительно продолжил борьбу против своего покровителя-масона. Обращение Фотия к императору было одной из причин запрета масонства в России.

¹⁰⁶⁾ Это был не единственный случай, когда служебному продвижению мешало участие в масонских ложах. По этой причине были уволены в отставку С. С. Ланской, П. И. Голенцев-Кутузов. Высылка А. Ф. Лабзина также во многом была предопределена его масонством. Характерен в этом отношении пример с Ф. Н. Глинкой, в адрес которого еще до запрета масонства было выражено высочайшее пожелание, чтобы он оставил ложи.

¹⁰⁷⁾ *Де-Санглен Яков Иванович* (1776—1864) — правитель канцелярии министерства полиции, вступил в масонскую ложу «Петр к истине» по заданию Александра I и по поручительству министра полиции Балашова. Фискальные функции Де-Санглена совершенно не были тайной, поэтому понятно, что в его присутствии не велись «опасные» разговоры. Участие Де-Санглена в работах лож было недолговременным.

¹⁰⁸⁾ Видимо, эти данные касаются численности лишь одного масонского союза — Директоральной ложи «Астрея». Если же учесть масонские тайные ложи и мастерские союза Великой Провинциальной ложи, число будет значительно больше.

¹⁰⁹⁾ Количество лож в Москве и Петербурге приблизительно было равно, если говорить о всей истории масонства. В первой же четверти XIX века Петербург значительно превосходил Москву по количеству лож.

¹¹⁰⁾ В России в начале XIX века работало свыше 90 лож, численность которых была различной — от 7 до 500 человек. Известно, например, что ложу «Соединенные друзья» в период ее расцвета посещало более 200 человек.

¹¹¹⁾ Это уточнение еще раз подтверждает, что масонство Петра I — легенда. Исследователи единодушно признают, что масонство ведет свою историю с 1717 года. Франц Яковлевич Лефорт умер в 1699 году, поэтому очевидно, что либо Петр I никогда не был масоном, либо стал членом еще средневековой организации, а не духовного Ордена Вольных Каменщиков.

¹¹²⁾ *Кейт Джеймс* (1696—1758) состоял на царской службе с 1728 года, в 1741 году был генералом русской службы; занимал пост вице-гетмана Малороссии, но из-за служебных конфликтов покинул Россию в 1744 году. В это же время, в 1741—1744 годах, был принят за границу в масонский орден З. Г. Чернышева, К. Г. Разумовского и И. Г. Чернышева.

¹¹³⁾ Столовые ложи проводились в зависимости от направленности заседаний той или иной ложи от одного раза в год или полностью совпадали с днями заседаний.

¹¹⁴⁾ Состав этой ложи известен по доносу Михайлы Олсуфьева.

¹¹⁵⁾ Крепостные были братьями-служашими и в ложах XVIII века, например, в ложе «Нептун» в Кронштадте. «Несвободные» не могли стать полноправными членами лож.

¹¹⁶⁾ Среди священнослужителей — членов масонских лож были и церковные иерархи.

¹¹⁷⁾ Представители «третьего» сословия, особенно в Директоральной ложе «Астрея», составляли половину всей численности союза.

¹¹⁸⁾ Принцип деления на иностранный или русский союз здесь не должен играть доминирующей роли, так как были, например, ложи в Москве, подчиненные Великому Востоку Франции.

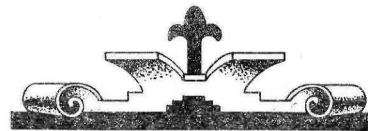
¹¹⁹⁾ В отдельных ложах число иностранцев преобладало над числом русских братьев. Ложи вообще имели тенденцию к формированию по принципу национальной однородности.

¹²⁰⁾ По данным автора комментариев, средний возраст масонов в отдельных союзах был 34—37 лет.

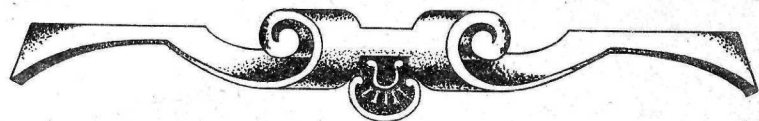
¹²¹⁾ Некоторые исследователи ошибочно считали Михаила Николаевича Муравьева членом ложи «Три добродетели». Это опровергается документами ложи.

¹²²⁾ Балашов был одним из тайных организаторов высылки М. М. Сперанского в 1812 году в Петербурга.

Боровков Александр Дмитриевич (1788—1856) был «правителем дел» Следственной комиссии по делу об злоумышленном обществе. До этого он был секретарем ложи «Избранный Михаил», членами которой также были такие декабристы, как Ф. П. Толстой, Ф. Н. Глинка, М. Н. Новиков, В. К. Кюхельбекер и другие.

СОДЕРЖАНИЕ

Знаменитые русские масоны	3
Предисловие	5
Суворов	11
Херасков	17
Репнин	23
Новиков	29
Кутузов	37
Куракин	43
Павел I	49
Лопухин	55
Карамзин	63
Сперанский	71
Александр I	77
Грибоедов	83
Пушкин	89
Русские вольные каменщики	95
Послесловие	123
Комментарии	125

Татьяна Алексеевна Бакунина

ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКИЕ МАСОНЫ

Составитель А. Серков
Художник А. Добренко
Редактор М. Орлова
Технический редактор Н. Александрова
Корректор Г. Рынькова

Формат 84×108/32. Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 6,1.
Подписано в печать 16.01.91. Заказ 793. Цена 5 р. 40 коп.

Московский филиал № 17 СП «Интербук», 1991.
Типография № 2 Министерства печати и массовой информации
РСФСР. 152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

В серии «Mysterium magnum»
будут изданы в 1990—1991 годах

Т. А. Бакунина
Знаменитые русские масоны

Г. В. Вернадский
Русское масонство в царствование
Екатерины II

Масонство в его прошлом и настоящем

Т. О. Соколовская
Русское масонство и его значение в
истории
общественного движения

А. И. Серков
Русское масонство XIX века
Словарь масонов
Духовные Ордена в России

Л. Б. Хасс
Русское масонство. Век XX